Н. Абрамовъ.

ДАРЪ СЛОВА.

Выпускъ девятый.

Искусство допрашивать.

СОДЕРЖАНІЕ: Какъ вести допросъ? — О чемъ допрашивать? — Допросъ ложныхъ свидѣтелей. — Допросъ экспертовъ. — Порядокъ вопросовъ. — Молчаливый допросъ. — Источники ошибочныхъ показаній. — Установленіе вѣроятности. — Установленіе недостовѣрности.

Цѣна 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Н. Абрамовъ.

Даръ Слова.

Выпускъ девятый.

Искусство допрашивать.

„Даръ Слова", т. е. искусство вліять на другихъ посредствомъ рѣчи, достигаетъ высшей своей побѣды въ искусствѣ допрашивать, когда у человѣка, не желающаго говорить правду, выпытываютъ ее силой слова, а скрывающаго правду уличаютъ во лжи. Въ изложеніи великаго искусства допрашивать мы держались труда F. Wellman'a „The Art of Cross-Examination", пользующагося большой извѣстностью въ Америкѣ и Англіи.

Глава I. Какъ вести допросъ?

Если адвокатъ вліяетъ на исходъ процесса, то вліяетъ не столько ораторскимъ талантомъ, сколько талантомъ вести допросъ. Современные присяжные, особенно въ большихъ городахъ, состоятъ изъ дѣловыхъ, съ жизненнымъ опытомъ, людей, привыкшихъ думать за себя и не столь доступныхъ увлеченіямъ и предразсудкамъ, на которые обыкновенно толкаетъ судебное краснорѣчіе. Ихъ вниманіе удѣляется, главнымъ образомъ, письменнымъ документамъ и свидѣтельскимъ показаніямъ, и тутъ-то обнаруживается вся важность перекрестнаго допроса.

Если свидѣтели одной стороны отрицаютъ показанія другой, которая сторона говоритъ правду? Вовсе не требуется, чтобы какая-нибудь сторона лжесвидѣтельствовала,—вообще въ судахъ встрѣчается гораздо меньше завѣдомыхъ лжесвидѣтельствъ, чѣмъ думаютъ,—но которая сторона честно заблуждается? Чье показаніе преломлено въ призмѣ предубѣжденія или незнанія? Какая сторона имѣла больше средствъ и возможностей правильнаго наблюденія? И какъ это обнаружить, какъ это осязательнѣе выявить предъ присяжными, которые скажутъ свое сужденіе о дѣлѣ? Разумѣется, только посредствомъ допроса.

Если-бы свидѣтели говорили всю правду и ничего кромѣ правды, и если бы адвокаты съ обѣихъ сторонъ имѣли необходимый опытъ въ соединеніи съ честностью и умомъ и тоже старались раскрывать всю правду и ничего кромѣ правды, то, понятно, не было бы надобности и въ перекрестномъ допросѣ. Но при настоящихъ условіяхъ допросъ незамѣнимъ, какъ могучее средство отдѣлить истину отъ лжи и свести преувеличенныя показанія къ ихъ настоящимъ размѣрамъ.

Перекрестный допросъ является самой трудной изъ всѣхъ обязанностей адвоката. Тутъ требуется величайшая находчивость, привычка логически мыслить, ясность взгляда, безконечное терпѣніе и самообладаніе, способность читать мысли, судить о характерахъ по лицамъ и оцѣнивать мотивы, всестороннее знаніе самого дѣла, крайняя осторожность и, сверхъ всего, ин-

стинктъ открывать слабые пункты въ показанiи свидѣтеля. Вѣдь свидѣтели безконечно разнообразны и показываютъ подъ различными углами зрѣнiя, заключающими всѣ оттѣнки морали, страстей и разума. Допросъ часто становится умственнымъ поединкомъ между адвокатомъ и свидѣтелемъ.

Вообразимъ себя на судѣ послѣ прямого показанiя свидѣтеля, вызваннаго нашимъ противникомъ. Первый вопросъ, который мы должны себѣ предложить, это, конечно: показалъ ли свидѣтель что-нибудь неблагопрiятное для насъ? Повредило ли его показанiе нашей сторонѣ? Произвелъ ли онъ впечатлѣнiе на судей? Есть-ли для насъ какая нибудь надобность вообще подвергнуть его перекрестному допросу? Однако раньше чѣмъ отпустить свидѣтеля, надо подумать, нельзя-ли получить отъ него какихъ нибудь новыхъ фактовъ въ нашу пользу. Если свидѣтель видимо правдивъ и честенъ, то это можетъ быть достигнуто путемъ прямыхъ вопросовъ. Если же свидѣтель не обнаруживаетъ желанiя помочь раскрытiю истины, то его необходимо поставить въ такое положенiе, чтобы судьи видѣли, что онъ могъ бы, если бы желалъ, разсказать многое, и затѣмъ отпустить. Судьи сдѣлаютъ заключенiе, что если бы онъ говорилъ, то это было бы въ нашу пользу. Но предположимъ, что свидѣтель привелъ противъ насъ какiе-нибудь вѣскiе факты, и наша обязанность либо уничтожить силу его показанiя, либо отказаться отъ благопрiятнаго исхода дѣла. Какъ же поступить? Какъ показать, что свидѣтель честно заблуждается или лжесвидѣтельствуетъ? Методы перекрестнаго допроса въ обоихъ этихъ случаяхъ, понятно, различны. Есть разница между опороченiемъ показанiя и опороченiемъ свидѣтеля. Тутъ важную роль играетъ инстинктъ допрашивающаго, умѣнiе читать въ глазахъ, голосѣ или поведенiи свидѣтеля. Ибо самый способъ показанiя обнаруживаетъ завѣдомаго лжесвидѣтеля.

Опытный адвокатъ рѣдко отнимаетъ глаза отъ свидѣтеля, когда его допрашиваетъ противникъ. Каждое выраженiе лица, особенно его рта, даже движенiя его рукъ, его способъ выражаться и держаться, все имѣетъ значенiе для оцѣнки его правдивости. Если свидѣтель старается честно описать тѣ событiя, которыя онъ показываетъ, но онъ впалъ въ серьезную ошибку по незнанiю, заблужденiю или по другой причинѣ, то причина должна быть показана судьямъ. Вопросъ, какъ это сдѣлать?

Нелѣпо предположить, что свидѣтель, который подъ присягой только что показалъ извѣстную сумму фактовъ, даже если онъ по невнимательности отступилъ отъ истины, тотчасъ поддастся адвокату и измѣнитъ показанiе, признавая свою ошибку.

Обыкновенно люди не сознаютъ своего неумѣнья подмѣчать факты и рѣдко подозрѣваютъ это. Они приходятъ въ судъ, какъ свидѣтели, готовые сказать то, что, имъ кажется, они знаютъ, и вначалѣ всякое недовѣрiе къ ихъ разсказу они считаютъ заподозрѣванiемъ ихъ свидѣтельской честности.

Если своимъ обращенiемъ допрашивающiй позволяетъ свидѣтелю видѣть, что онъ ему не довѣряетъ, тотъ сразу начнетъ его остерегаться. Если же адвокатъ вѣжливъ и миролюбивъ, то свидѣтель скоро потеряетъ страхъ, и умѣлымъ допросомъ можетъ быть почти незамѣтно приведенъ къ раскрытiю слабыхъ сторонъ своего показанiя. Симпатiи присяжныхъ всегда на сторонѣ свидѣтеля, они быстро чувствуютъ всякую невѣжливость по отношенiю къ нему. Они допускаютъ заблужденiя съ его стороны, если вамъ удалось ихъ раскрыть передъ ними, но они съ трудомъ признаютъ возможность лжесвидѣтельства. Между тѣмъ адвокаты иногда ведутъ себя такъ, точно считаютъ каждаго свидѣтеля, показывающаго противъ нихъ, завѣдомымъ лжесвидѣтелемъ. Неудивительно, что они своимъ допросомъ достигаютъ очень немногаго. Крикливымъ тономъ они, правда, приводятъ свидѣтеля въ смущенiе, но не въ состоянiи опорочить его передъ судьями. Наоборотъ, они еще возбуждаютъ симпатiю къ обижаемому.

Конечно, иногда свидѣтель подъ влiянiемъ страха передъ адвокатомъ покажетъ, что нужно, но лучшiе адвокаты никогда не возбуждаютъ противъ себя свидѣтеля, наоборотъ обезоруживаютъ его спокойствiемъ и вѣжливостью на допросѣ. Джентельменство, вѣжливость и любовное отношенiе къ допрашиваемому гораздо больше вредятъ свидѣтелю, старающемуся скрыть что-либо или солгать.

Хорошiй адвокатъ старается не вызывать вредныхъ для него отвѣтовъ. Тутъ должно себя контролировать на каждомъ шагу. Если вы показали своимъ лицомъ, какъ отвѣтъ васъ бьетъ, смутились, покраснѣли, вы ужъ по одному этому можете потерять дѣло. У опытнаго адвоката такiе отвѣты не кажутся неожиданными, а вполнѣ естественными, и падаютъ безъ эффекта. Онъ приступаетъ къ дальнѣйшему вопросу, какъ если бы ничего не случилось, или даже даетъ свидѣтелю недовѣрчивую улыбку: „Кто, молъ, вамъ повѣритъ".

Объ одномъ большомъ адвокатѣ разсказываютъ слѣдующее: Свидѣтель со стороны противника показалъ между прочимъ, безъ особеннаго подчеркиванiя, весьма важный фактъ, который при умѣньи могъ бы быть использованъ въ большой вредъ его довѣрителю. Когда свидѣтель закончилъ свое показанiе, адвокатъ, какъ бы видя въ его словахъ нѣчто очень для себя цѣнное, попросилъ его повторить, то показанiе, дабы онъ могъ это записать точно. Больше никакихъ вопросовъ не предлагалъ онъ свидѣтелю и въ своей рѣчи ничѣмъ не намекнулъ на то показанiе. Когда адвокатъ противной стороны дошелъ въ своей рѣчи до этого показанiя, онъ былъ такъ охваченъ мыслью, что тутъ кроется что-то въ пользу противника, чего онъ разсмотрѣть не можетъ, что удовольствовался краткимъ замѣчанiемъ о неважности показанiя и перешелъ къ другимъ частямъ рѣчи.

Любовь къ борьбѣ, заложенная въ каждомъ человѣкѣ, удерживаетъ вниманiе присяжныхъ на развитiи процесса. Адвокатъ,

обладающій пріятной наружностью, говорящій съ откровенностью серьезнаго искателя истины, вѣжливый съ тѣми, которые свидѣтельствуютъ противъ него, избѣгающій откладыванія и запутыванія дѣла многочисленными возраженіями, явно знающій свою задачу и садящійся, когда онъ закончилъ ее, создаетъ атмосферу благопріятную защищаемой имъ сторонѣ, могучее, хотя безсознательное, вліяніе на судей. Какъ бы свидѣтельскія показанія ни были для него неблагопріятны, приговоръ все-таки будетъ мягче, нежели ожидавшійся его кліентомъ.

Съ другой стороны защитникъ, утомляющій судей безконечнымъ и безцѣльнымъ допросомъ, постоянно теряющій самообладаніе и показывающій зубы свидѣтелямъ, съ кислымъ и озабоченнымъ выраженіемъ лица, съ монотоннымъ и глухимъ голосомъ, имѣющій неряшливый видъ, старающійся воспользоваться всякимъ попавшимъ ему въ руки преимуществомъ надъ свидѣтелемъ или защитникомъ противной стороны, быстро вызываетъ противъ себя предубѣжденіе судей.

Документальныя данныя часто клонятъ дѣло въ одну сторону, а на самомъ дѣлѣ оказывается иначе, ибо адвокатъ умѣлымъ веденіемъ допроса можетъ создать благопріятную себѣ атмосферу, которая совершенно затушуетъ неблагопріятныя показанія.

Самая интонація голоса и выраженіе лица допрашивающаго можетъ произвести эффектъ на судей и способствовать тому, что они въ полности оцѣнятъ такой пунктъ, который иначе былъ бы ими совершенно не замѣченъ.

Однажды свидѣтель не отвѣтилъ на вопросъ предложенный ему адвокатомъ. „Слышали ли вы мой вопросъ?“—спросилъ этотъ тихо.—„Слышалъ“.—„Поняли ли вы его?“—спросилъ онъ еще тише.—„Да“—„Въ такомъ случаѣ“, загремѣлъ адвокатъ, поднявъ голосъ, „почему вы не отвѣчали? сообщите судьямъ, почему вы не отвѣчали?“ По залу пробѣжало движеніе, и свидѣтель былъ уничтоженъ.

Говорите сами ясно и заставляйте свидѣтелей дѣлать то-же, излагайте свои доводы такъ ясно, чтобы люди средняго пониманія могли ихъ понять. Держите вашу аудиторію—судей и присяжныхъ - постоянно заинтересованной, помните, что вы обращаетесь къ уму судей даже въ то время, когда задаете вопросъ свидѣтелю, соразмѣряйте вашъ голосъ съ разбираемымъ вопросомъ, съ настроеніемъ свидѣтеля, вліяйте имъ на него и приводите имъ аудиторію къ молчанію. Хорошій адвокатъ говоритъ судьямъ задолго до своей рѣчи, когда онъ только занимаетъ передъ ними свое мѣсто и смотритъ имъ въ глаза. Онъ старается сѣсть какъ можно ближе къ нимъ, садится спокойный, созерцательный, торжественный даже во время шума и смятенія, не дѣлая никогда ничего такого, что могло бы ему повредить въ ихъ расположеніи, и наоборотъ всегда дѣлая что нибудь такое, чтобы это расположеніе заслужить. Благосклонно улыбаясь, когда противникъ скажетъ удачное слово, улыбаясь сочувственно,

когда кто нибудь изъ присяжныхъ засмѣется или предложитъ вопросъ, чаруя ихъ все время своимъ взглядомъ.

Его обращеніе къ суду есть обращеніе друга, желающаго помочь имъ въ ихъ трудныхъ изслѣдованіяхъ, а не обращеніе воина, добивающагося побѣды и видящаго въ нихъ только средство для достиженія ея.

Глава II: О чемъ допрашивать?

Наше обращеніе со свидѣтелемъ въ извѣстной мѣрѣ обезоружило его, во всякомъ случаѣ уничтожило его опасенія передъ нашими тонкими вопросами, цѣль которыхъ едва ли ясна для него, но только содержаніемъ нашего допроса мы можемъ надѣяться уничтожить его. Какъ же начать? должно ли переспросить его о томъ самомъ, о чемъ только что его спрашивалъ нашъ противникъ, въ глупой надеждѣ, что онъ измѣнитъ свой разсказъ, а не перескажетъ его въ точности, производя двойной эффектъ на судей, или мы должны старательно избѣгать этой ошибки и касаться его прежняго показанія лишь постольку, поскольку это необходимо для обнаруженія его слабыхъ сторонъ? Что бы мы ни дѣлали, мы должны дѣлать это съ спокойнымъ достоинствомъ, съ полной искренностью, языкомъ, не допускающимъ недоразумѣній.

Не будемъ стараться создавать себѣ репутацію ловкихъ допрашивателей, будемъ думать больше о нашемъ подзащитномъ и о нашей обязанности передъ нимъ: привлечь судей на его сторону. Поэтому будемъ избѣгать вопросовъ безцѣльныхъ и рискованныхъ. Неловкіе вопросы хуже, чѣмъ воздержаніе отъ всякихъ вопросовъ.

Вотъ мы наблюдали за каждымъ движеніемъ и выраженіемъ свидѣтеля во время прямого его показанія. Нашли ли мы поводъ къ допросу? открыли ли слабый пунктъ въ его разсказѣ? Если такъ, не будемъ терять времени и перейдемъ прямо къ вопросу. Можетъ быть, положеніе свидѣтеля по отношенію къ сторонамъ или къ разбираемому дѣлу таково, что его показаніе по необходимости нѣсколько окрашено въ пользу той стороны, за которую онъ свидѣтельствуетъ? Можетъ быть, онъ прямо или косвенно заинтересованъ въ исходѣ процесса или имѣетъ какой нибудь другой мотивъ, который мы должны осторожно вывѣдать отъ него? Вѣдь его партійность можетъ не сознаваться имъ самимъ. Даже если судъ узнаетъ о недостаточности средствъ, бывшихъ въ распоряженіи свидѣтеля для полнаго наблюденія и правильной оцѣнки показаннаго имъ подъ ловкими вопросами защитника противной стороны, то это одно уже можетъ способствовать ослабленію эффекта его показанія. Ибо двое подъ присягой разно могутъ показывать объ одномъ и томъ-же, чье же представленіе правильнѣе? Кто имѣлъ лучшую возможность видѣть? Кто обладаетъ большею способностью проникновенія? Все это является содержаніемъ нашего допроса.

Далѣе, одно дѣло имѣть возможность наблюдать и умъ, чтобы наблюдать правильно, а другое—удержать въ памяти въ теченіе извѣстнаго промежутка времени то, что мы разъ видѣли или слышали, и—это еще труднѣе—вразумительно и точно описать видѣнное и слышанное. Иной свидѣтель видѣлъ только часть событія, а о другой части онъ слышалъ отъ другихъ, впослѣдствіи же все перемѣшалось въ его умѣ; или можетъ быть онъ-то самъ отдѣляетъ видѣнное отъ слышаннаго, но въ его способѣ изложенія все перемѣшано. Кромѣ того, свидѣтели нерѣдко присочиняютъ разныя подробности. Обыкновенный типъ свидѣтеля это—человѣкъ, который присутствовалъ при какомъ нибудь событіи много времени тому назадъ и вдругъ узнаетъ, что его вызываютъ въ качествѣ свидѣтеля. Онъ тотчасъ-же пробуетъ вызвать въ умѣ первоначальныя впечатлѣнія, старается возсоздать всю картину и постепенно на допросѣ дополняетъ свой разсказъ новыми подробностями, которыя онъ самъ считаетъ воспоминаніями. Многіе боятся, что отвѣтъ: „не знаю", „не помню" будетъ истолкованъ въ смыслѣ умственной неразвитости съ ихъ стороны, и способны поэтому восполнить разсказъ своимъ воображеніемъ.

Всѣ эти соображенія подсказываютъ цѣлый рядъ вопросовъ, различныхъ для каждаго свидѣтеля, способствующихъ отдѣленію кажущагося отъ дѣйствительнаго и сводящихъ преувеличенія къ ихъ дѣйствительнымъ размѣрамъ. Ибо суду должно не только показать ошибку, но и почему и откуда она возникла, и сдѣлать это лучше всего устами самого свидѣтеля.

Опытный допрашиватель уже послѣ немногихъ простыхъ вопросовъ скажетъ, какой линіи должно ему держаться. Вообразите сцену сами, разспрашивайте объ источникахъ познаній свидѣтеля и выведите сами заключеніе, какъ возникла его ошибка. Обнаруживайте полное довѣріе къ его показанію и желаніе быть съ нимъ откровеннымъ и этимъ старайтесь вызвать его на откровенность.

Его ошибки должны быть выведены скорѣе путемъ обходнымъ, нежели прямыми вопросами, потому что свидѣтель боится противорѣчія. Если онъ видитъ связь между вашими вопросами и его собственнымъ разсказомъ, онъ обратится за объясненіями къ своему воображенію раньше, чѣмъ вамъ удастся обнаружить несоотвѣтствіе между послѣдующимъ показаніемъ и предыдущимъ. Не мѣшаетъ сразу поколебать силу его показанія такимъ вопросомъ, который укажетъ на существованіе другой, можетъ быть, болѣе правдоподобной версіи о томъ же событіи. Не останавливайтесь слишкомъ долго на мелкихъ разногласіяхъ. Давайте словоохотливому свидѣтелю разсказывать, сколько ему угодно: онъ запутается въ собственныхъ подробностяхъ. Нѣкоторые свидѣтели доказываютъ слишкомъ многое; поощряйте ихъ на этомъ пути и ведите постепенно къ преувеличеніямъ, противорѣчащимъ здравому смыслу суда. Ни подъ какимъ видомъ не придавайте

ложнаго толкованія словамъ свидѣтеля: нѣтъ болѣе фатальной ошибки для адвоката въ глазахъ судей.

Если вы случайно получили дѣйствительно благопріятный отвѣтъ, переходите спокойно къ слѣдующему вопросу. Неопытный допрашиватель по всей вѣроятности повторитъ вопросъ, дабы запечатлѣть отвѣтъ у слушателей, вмѣсто того чтобы оставить его для своей рѣчи, и этимъ только достигнетъ того, что свидѣтель поправится или какъ нибудь измѣнитъ показаніе,—и все потеряно. Тотъ плохо знаетъ человѣческую натуру, кто полагаетъ, что подчеркиваніемъ своего успѣха въ допросѣ онъ не заставитъ свидѣтеля быть осторожнѣе и избѣгать въ будущемъ подобныхъ отвѣтовъ. Защитникъ не долженъ предлагать свидѣтелю рискованныхъ вопросовъ, которые могутъ погубить его кліента, чему исторія знаетъ много примѣровъ. Когда вы думаете, что свидѣтель не хочетъ сказать всей правды, выгодно такъ располагать вопросы, чтобы отвѣты казались суду неожиданными и неправдоподобными. Большой складъ товаровъ, сгорѣвшій до тла, искалъ съ страхового общества преміи. Общество не могло найти ни одной инвентарной книги, которая показывала бы дѣйствительное количество товаровъ, находившихся на складѣ во время пожара. Одинъ изъ свидѣтелей, бухгалтеръ склада, на допросѣ показывалъ о всѣхъ подробностяхъ пожара, но ни слова, о книгахъ. Перекрестный допросъ ограничился слѣдующими вопросами: „Вѣроятно, у васъ въ конторѣ былъ несгараемый шкафъ, въ которомъ хранились торговыя книги?"—„Да".—„Что же, онъ сгорѣлъ?"—„Нѣтъ".— „Вы были при томъ, какъ открыли шкафъ послѣ пожара?" — „Да"—„Въ такомъ случаѣ будьте любезны представить инвентарную книгу, дабы судъ видѣлъ, сколько именно товару было на складѣ во время пожара?".

(Въ этомъ и былъ весь вопросъ, и судьи не были готовы къ послѣдовавшему отвѣту). — „Я книги не имѣю".—„Какъ, у васъ нѣтъ инвентарной книги? Вы ее потеряли?"—„Ея не было въ несгараемомъ шкафу". — „Развѣ не тамъ было ея надлежащее мѣсто?"—„Да".—„Какъ же ея тамъ не было? Она не была положена туда какъ разъ наканунѣ пожара?" Нѣкоторые изъ судей тотчасъ-же сдѣлали заключеніе, что весьма важная инвентарная книга была умышленно уничтожена и страховое общество выиграло процессъ.

Средній умъ гораздо хитрѣе, чѣмъ многіе думаютъ. Вопросы могутъ быть предлагаемы свидѣтелю съ такимъ расчетомъ, чтобы они уже служили доводами, и это производитъ на судей большій эффектъ, чѣмъ если эти самые доводы приводятся въ защитительной рѣчи. Присяжный хочетъ видѣть дѣло самъ, дойти до истины собственнымъ разумомъ, а не ходить на помочахъ, и если онъ сдѣлалъ какое-нибудь открытіе, то уже цѣпко держится за него. Пусть онъ поэтому самъ дѣлаетъ выводы. Въ одномъ процессѣ извѣстнаго адвоката, обвиняемый отрицалъ предполагавшуюся связь между нимъ и женою обвинителя. Судья прочи-

талъ мѣсто изъ одной рѣчи обвиняемаго, гдѣ проводится та мысль, что если публичное исповѣданіе какого-нибудь грѣха можетъ причинить несчастье другимъ, то нельзя оправдать такое признаніе, какъ бы оно ни облегчало совѣсть сознавшагося. Затѣмъ, глядя прямо въ глаза обвиняемому, судья спросилъ: „Вы продолжаете еще признавать это здравое ученіе?". Тотъ отвѣчалъ: „Да". Присяжные немедленно сдѣлали свое заключеніе объ этой сторонѣ процесса.

Особенно много находчивости требуется при сведеніи преувеличенныхъ показаній къ ихъ дѣйствительнымъ размѣрамъ.

Старикъ-купецъ былъ выброшенъ изъ трамвайнаго вагона на мостовую и при этомъ получилъ поврежденія, отъ которыхъ до момента суда страдалъ 3 года. Онъ предъявилъ искъ къ обществу трамваевъ. Защитникъ истца очень много распространялся о страданіяхъ его кліента: онъ-де имѣлъ сотрясеніе мозга, потерялъ память, повредилъ мочевой пузырь, оглохъ, сломалъ ногу, разстроилъ нервы и имѣетъ постоянныя страданія въ спинномъ хребтѣ. Попытки облегчить страданія также были разсказаны на судѣ съ большими подробностями, и докторъ, пользовавшій его, показывалъ, что его услуги за три года должны выразиться, по самой скромной оцѣнкѣ, суммой въ 5 тысячъ рублей.

Адвокатъ общества трамваевъ, изучивъ лицо доктора и его поведеніе на свидѣтельской скамьѣ, сдѣлалъ заключеніе, что при соотвѣтствующемъ обращеніи изъ него можно выудить истину, какова бы она ни была. Лазейка представилась уже въ теченіе первой полдюжины вопросовъ.

Защитникъ: „Какое медицинское названіе вы, докторъ, могли бы дать современному положенію истца?"—„У него то, что мы называемъ „травматическій микрозисъ".—„Микрозисъ,— вѣдь это кажется есть привычка или слабость слишкомъ много обращать вниманія на такія боли, на которыя обыкновенный здоровый человѣкъ не обратилъ бы вниманія?"—„Это правда".

Защитникъ (улыбаясь): „Надѣюсь, вы, докторъ, не страдаете этой болѣзнью?"—„Я за собой не замѣчалъ ея".—„Въ такомъ случаѣ мы могли бы получить отъ васъ вполнѣ безпристрастное установленіе страданій этого человѣка?"—„Да, надѣюсь". (Лазейка найдена. Свидѣтель уже польщенъ, благосклоненъ къ намъ и въ то же время предупрежденъ насчетъ преувеличеній).— „Возьмемъ сначала поврежденіе пузыря: развѣ въ жизни не всякій человѣкъ, достигшій 66-лѣтняго возраста, имѣетъ тѣ или другія недомоганія, которыя выражаются болѣе или менѣе въ раздраженіи пузыря?"—„Да, это обыкновенно случается со старыми людьми."—„Вы сказали, что истецъ глухъ на одно ухо; я замѣтилъ, что онъ отлично слышалъ вопросы, предлагавшіеся на судѣ; вы тоже замѣтили это?"—„Да".—„Развѣ въ 66 лѣтъ большинство людей не теряютъ постепенно слуха?"—„Да, часто." — „Откровенно говоря, докторъ, не думаете ли вы, что этотъ человѣкъ слышитъ замѣчательно для своего возраста, если

оставить въ сторонѣ глухое ухо?—„Да, я думаю".—„Вы сказали, что истецъ имѣлъ сотрясеніе мозга; развѣ не всякій мальчикъ, который поскользнулся на каткѣ и ударился головою объ ледъ, имѣетъ то, что вы, доктора, назвали бы сотрясеніемъ мозга?" — „Да".—Но вы говорите, что этотъ человѣкъ имѣлъ еще кровоизліяніе въ мозгу. Какъ же это онъ, имѣвъ кровоизліяніе въ мозгу, остался живъ доселѣ?"—„Это было микроскопическое кровоизліяніе".—„То есть, другими словами, нужно было бы взять микроскопъ, чтобы его разглядѣть".—„Это правда".—„Вы лѣчили его отъ этого микроскопическаго кровоизліянія?"—„Да, совершенно излѣчилъ".—Вы, конечно достаточно свѣдущи, чтобы исправить сломанную ногу, или вы не пытались сдѣлать это?"—„Да, я сдѣлалъ соединеніе, и онъ получилъ хорошую, крѣпкую, здоровую ногу". Защитникъ, получивъ такимъ образомъ нужныя ему допущенія, вдругъ мѣняетъ свое обращеніе и продолжаетъ строго: „И вы сказали, что 5 тысячъ рублей были бы настоящимъ вознагражденіемъ за ваши услуги. Прошло 3 года, какъ онъ пострадалъ, развѣ вы ему не послали счета?"—„Да, я посылалъ".— „Покажите мнѣ его. (Обращаясь къ защитнику потерпѣвшаго) Кто нибудь изъ васъ покажетъ мнѣ этотъ счетъ?"—(Докторъ):—„У меня его нѣтъ".—„На какую сумму былъ онъ?" (Докторъ): „На 2 тысячи рублей". (Защитникъ, крича): „Почему же вы заставляете общество трамваевъ платить за вашъ трудъ въ $2^1/_2$ раза больше, нежели вы считаете самому паціенту?"—(Докторъ, въ затрудненіи отъ внезапной перемѣны со стороны защитника): „Вы спрашивали меня, во сколько я оцѣниваю свои услуги".—„Развѣ вы своему паціенту не считали полную стоимость вашихъ услугъ?" (Докторъ не отвѣчаетъ. Защитникъ быстро): „А сколько вамъ дѣйствительно заплатили по вашему счету? Помните, что вы отвѣчаете подъ присягой".—„Онъ заплатилъ мнѣ 200 рублей два года тому назадъ, и въ 2 срока онъ заплатилъ мнѣ еще 60 рублей". „А вѣдь это богатый купецъ!" (Защитникъ садится, подавляя улыбку).

Курьезный случай, повелшій къ обнаруженію явнаго обмана, произошелъ также въ процессѣ противъ Общества трамваевъ. Истецъ, рабочій, былъ выброшенъ на мостовую съ платформы при столкновеніи двухъ вагоновъ и повредилъ себѣ руку. Онъ самъ показывалъ о своихъ страданіяхъ и о потерѣ трудоспособности, такъ какъ не могъ поднять руки до высоты плеча. На перекрестномъ допросѣ повѣренный общества трамваевъ предложилъ свидѣтелю нѣсколько сочувственныхъ вопросовъ о его страданіяхъ и, привлекши его расположеніе, попросилъ его быть добрымъ показать суду крайнюю точку, до которой онъ въ состояніи поднять свою руку послѣ происшествія. Потерпѣвшій медленно и съ явнымъ трудомъ подымаетъ свою руку до точки ниже плеча. „А теперь для сравненія покажите суду, до какой высоты вы поднимали ту-же руку до происшествія",—спокойно продолжаетъ защитникъ, и свидѣтель въ отвѣтъ на это плавно поднимаетъ

руку до полной высоты надъ головою подъ гомерическій хохотъ суда и присяжныхъ.

Въ дѣлѣ объ убійствѣ, въ которомъ защита устанавливала безуміе, докторъ, вызванный свидѣтелемъ-экспертомъ со стороны защиты, показалъ, что, по его мнѣнію, обвиняемый во время совершенія убійства страдалъ маніей человѣкоубійства и дѣйствовалъ подъ вліяніемъ неодолимаго влеченія. Судья, не довольствуясь этимъ, предложилъ сначала свидѣтелю нѣсколько постороннихъ вопросовъ, а потомъ спросилъ: „Думаете ли вы, что обвиняемый совершилъ бы то-же самое, если бы при этомъ присутствовалъ полицейскій?“ Свидѣтель отвѣчаетъ: „Нѣтъ“, на что судья замѣчаетъ: „Въ такомъ случаѣ ваше опредѣленіе неодолимаго влеченія должно быть формулировано такъ: влеченіе, непреодолимое во всякое время кромѣ случая, когда присутствуетъ полицейскій“.

Глава III. Допросъ ложныхъ свидѣтелей.

Въ предыдущихъ главахъ мы устанавливали, какъ обращаться съ честнымъ свидѣтелемъ, который, вслѣдствіе незнанія или партійности, болѣе или менѣе ненамѣренно, показывалъ неправильно, во вредъ нашему подзащитному. Теперь мы разберемъ болѣе трудную задачу, какъ, путемъ допроса, раскрыть намѣренную неправду лжесвидѣтеля.

Рѣдко случается, что все показаніе свидѣтеля отъ начала до конца ложно. Чаще бываетъ, что большая часть его правдива и только одинъ пунктъ,—обыкновенно тотъ самый, вокругъ котораго вращается все дѣло,—намѣренно искаженъ.

Раньше мы должны убѣдиться, что онъ намѣренно лжетъ. Смущеніе—одинъ изъ признаковъ лжесвидѣтельства, но не всегда. Необычность положенія необходимость свидѣтельствовать въ торжественной обстановкѣ передъ полной залой незнакомыхъ людей, готовыхъ осмѣять и оскорбить, часто вызываетъ смущеніе у самыхъ чистыхъ свидѣтелей.

Затѣмъ, нѣкоторые по своему расположенію нервны. Нужно быть вполнѣ увѣреннымъ, что свидѣтель не принадлежитъ къ этому роду, раньше чѣмъ мы подвергнемъ его той спеціальной пыткѣ, которая у насъ имѣется въ запасѣ для лжесвидѣтелей.

Свидѣтели неинтеллигентные, когда они показываютъ ложно, обнаруживаютъ это голосомъ, особымъ блуждающимъ выраженіемъ глазъ, нервнымъ вороченіемъ на стулѣ, явнымъ усиліемъ точно припомнить заученныя выраженія и особенно употребленіемъ языка, не соотвѣтствующаго ихъ положенію. Съ другой стороны есть нѣчто въ честномъ свидѣтелѣ, обнаруживающее, что онъ разсказываетъ дѣйствительно видѣнное и слышанное. Выраженіе лица и особенно глазъ мѣняется у него во время разсказа по мѣрѣ того, какъ онъ вспоминаетъ сцену за сценой; онъ смотритъ допрашивающему прямо въ лицо; онъ употребляетъ жесты, естественные для человѣка его положенія; онъ ихъ при-

норавливаетъ къ случаямъ, о которыхъ разсказываетъ, и даетъ показаніе въ обычныхъ для него выраженіяхъ.

Если же поведеніе свидѣтеля и выраженія его носятъ слѣды фабрикаціи, то часто полезно попросить его повторить разсказъ. Обыкновенно, онъ повторитъ въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какія онъ употреблялъ раньше, и этимъ покажетъ, что онъ выучилъ свое показаніе наизусть. Конечно, возможно, что онъ сдѣлалъ это и, тѣмъ не менѣе, говоритъ правду. Испытайте его, взявъ середину его показанія, отсюда быстро перескочите къ началу, а отъ начала къ концу. Если онъ говоритъ по заученному, а не изъ воспоминаній, то онъ запутается, потому что у него нѣтъ фактовъ, съ которыми ассоціируются выраженія разсказа; онъ можетъ только вспомнить событіе цѣликомъ, а не въ разбивку. Обратите его вниманіе на другіе факты, не имѣющіе прямого отношенія къ исторіи, которую онъ разсказалъ. Такъ какъ онъ совершенно не подготовленъ къ этимъ новымъ вопросамъ, то онъ обратится за отвѣтами къ своему воображенію. Отвлеките его мысль опять къ какой-нибудь другой части его разсказа и затѣмъ вдругъ, когда его мысль занята другимъ предметомъ, вернитесь къ тѣмъ соображеніямъ, къ которымъ вы сначала привлекли его вниманіе, и предложите ему вторично тѣ-же вопросы. Онъ опять обратится къ своему воображенію и, вѣроятно, дастъ отвѣтъ, противорѣчащій первоначальному, — и готово. Онъ не можетъ придумывать отвѣты съ той быстротою, съ какою вы придумываете вопросы, и въ то-же самое время точно вспоминать свои прежнія выдумки; онъ не можетъ держать всѣ свои отвѣты въ полномъ соотвѣтствіи другъ другу. Посадите его, какъ только вы обнаружили, что онъ не ошибается, а лжетъ.

Однажды адвокатъ, переспросивъ свидѣтеля, замѣтилъ, что тотъ повторяетъ свое показаніе слово въ слово. Тогда онъ, ничего не говоря, подошелъ къ столу и, указывая прямо на свидѣтеля, произнесъ громкимъ голосомъ: „Покажите намъ ту бумажку, которая у васъ въ жилетномъ карманѣ“. Застигнутый врасплохъ, свидѣтель механически вынулъ бумажку изъ указаннаго кармана и передалъ ее адвокату. Этотъ прочиталъ по запискѣ точныя слова свидѣтеля и при этомъ обратилъ вниманіе суда на тотъ фактъ, что показаніе написано рукою защитника противной стороны. „Но объясните-же ради Бога, какимъ образомъ вы узнали, что эта бумажка находится тамъ“, спросилъ его потомъ одинъ изъ коллегъ.—„Я подумалъ, что онъ показываетъ по заученному, ибо замѣтилъ, что всякій разъ, какъ онъ повторялъ свой разсказъ, онъ клалъ руку на жилетный карманъ, а окончивъ показаніе, эту руку опускалъ“.

Если бы лжесвидѣтельства на судѣ ограничивались только неинтеллигентными классами, перекрестный допросъ былъ бы дѣломъ сравнительно легкимъ, но, къ несчастью для истины и правосудія, это далеко не такъ.

Нѣтъ ничего труднѣе какъ обнаружить лжесвидѣтельство у человѣка, которому интеллигентность даетъ возможность скрыть недобросовѣстность. Существуетъ много способовъ обличенія. Все зависитъ отъ индивидуальнаго характера лица, съ котораго вы собираетесь сорвать маску. Въ большинствѣ случаевъ успѣхъ увеличивается, когда вы не даете свидѣтелю думать, что вы его подозрѣваете. Вы подходите къ свидѣтелю совершенно дружелюбно, какъ человѣкъ, желающій ознакомиться съ вопросомъ, изумлены тому, что говоритъ свидѣтель, и даже благодарны за новый свѣтъ, брошенный на дѣло. „Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! Хорошо; такъ какъ вы сказали столько, можетъ быть, вы поможете намъ пойти немножко дальше“.

Иногда благоразумно сосредоточиться на одномъ или двухъ главныхъ пунктахъ, въ которыхъ, по вашимъ соображеніямъ, вы можете привести свидѣтеля къ противорѣчію. Рѣдко бываетъ полезно настаивать на вещахъ, съ которыми онъ хорошо знакомъ. Вѣрнѣе разспрашивать его объ обстоятельствахъ, соприкасающихся съ его разсказомъ, къ которымъ онъ, повидимому, не готовился. Вотъ простой, но поучительный примѣръ допроса, веденнаго знаменитымъ Линкольномъ. Нѣкто обвинялся въ томъ, что вечеромъ 9 августа убилъ другого за городомъ, въ полѣ, выстрѣломъ и убѣжалъ послѣ убійства. Видѣлъ это одинъ свидѣтель, на показаніи котораго и было построено все обвиненіе. Свидѣтель этотъ подъ присягой показалъ, что зналъ въ лицо обоихъ, убитаго и убійцу, что онъ видѣлъ выстрѣлъ, произведенный обвиняемымъ, и видѣлъ, какъ онъ убѣжалъ. Адвокатъ началъ защиту слѣдующими вопросами: „И вы были съ убитымъ передъ этимъ и видѣли выстрѣлъ?“—Да.—„Вы стояли очень близко къ нимъ?“—„Нѣтъ, на разстояніи около 20 шаговъ“.—„Можетъ быть, было всего 10 шаговъ?“—„Нѣтъ, было 20 шаговъ или больше“.—„Вы были въ открытомъ полѣ?“—„Нѣтъ, я стоялъ въ кустахъ“.—„Кусты имѣли довольно большіе листья въ Августѣ?“.—Да.—„И вы говорите, что онъ стрѣлялъ вотъ этимъ пистолетомъ?—„Да, онъ похожъ на тотъ“.—„На какомъ разстояніи это было отъ фонаря?“—„Ближайшій городской фонарь былъ отъ этого мѣста на разстояніи около версты“.—„Вы говорите около версты?“—„Да, я вамъ это сказалъ уже дважды“.—„Видѣли вы свѣчу у убитаго или убійцы?“—„Нѣтъ, да и зачѣмъ нужна была бы свѣча?“—„Но какъ же видѣли, кто стрѣлялъ?“—„Да луна свѣтила“.—„Вы видѣли выстрѣлъ въ 10-мъ часу ночи изъ за кустовъ на разстояніи около версты отъ фонаря; видѣли форму пистолета, видѣли стрѣлявшаго человѣка, видѣли это на разстояніи 20 шаговъ, видѣли все это при лунномъ освѣщеніи? Видѣли это на разстояніи почти версты отъ фонаря“?—„Да, я это сказалъ вамъ уже и раньше“. Интересъ присутствующихъ достигъ высшаго напряженія. Въ залѣ воцарилось гробовое молчаніе.

Адвокатъ вынулъ изъ бокового кармана календарь въ красивомъ переплетѣ, открылъ его, спокойно показалъ присяжнымъ и суду и громко прочиталъ на одной страницѣ, что мѣсяцъ въ эту ночь взошелъ только въ первомъ часу ночи. Продолжая допросъ, Линкольнъ предложилъ арестовать лжесвидѣтеля какъ дѣйствительнаго убійцу, говоря: „Только желаніе очиститься самому могло подвинуть его показывать ложно противъ человѣка, который не сдѣлалъ ему никакого зла“. Онъ это сказалъ съ такой убѣдительностью, что судъ тутъ же приказалъ арестовать свидѣтеля; этотъ послѣдній былъ настолько смущенъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, что тутъ же сознался, что дѣйствительно убилъ, но сдѣлалъ это ненамѣренно.

Трудный, но въ высшей степени дѣйствительный способъ обличенія извѣстнаго рода лжесвидѣтелей заключается въ постепенномъ доведеніи его до дилеммы, когда ему приходится выбирать между двумя одинаково порочащими его слѣдствіями. *)

Но въ громадномъ большинствѣ случаевъ рѣдко удается привести свидѣтеля къ такой дилеммѣ. Если вамъ разъ это удалось, не пытайтесь сдѣлать это вторично съ тѣмъ же свидѣтелемъ. Садитесь и отпустите его. Если этотъ способъ къ данному свидѣтелю непримѣнимъ, пытайтесь доказать, что показаніе противорѣчитъ самой себѣ или другимъ извѣстнымъ фактамъ процесса, или обычному человѣческому опыту. Если вы потерпѣли неудачу въ одной части, оставьте ее и перейдите къ другой. Навѣрное есть гдѣ-нибудь слабое мѣсто, если показаніе ложно. Придавайте вашимъ вопросамъ соотвѣтствующую форму. Спрашивайте такъ, какъ если бы вы ожидали извѣстнаго отвѣта, въ то время какъ вы желаете какъ разъ противоположнаго. Если вы позволите свидѣтелю приводить доводы или объясненія, будьте увѣрены, что они будутъ во вредъ вамъ, а не ему.

Но не цѣлесообразно слишкомъ долго допрашивать, потому что это заставляетъ думать присяжныхъ, что свидѣтель крайне важенъ. Предсѣдатель суда, котораго малѣйшее слово значитъ больше, чѣмъ все краснорѣчіе защитника, можетъ прервать безцѣльный допросъ словами: „Я думаю, что мы напрасно теряемъ время“, „я вамъ не позволяю продолжать дальше“, „я не вижу цѣли въ этомъ допросѣ“. Это ударъ, отъ котораго могутъ оправиться только самые опытные адвокаты. До того, какъ судъ заговорилъ, присяжные уже были, можетъ быть, немножко утомлены и невнимательны и желали скорѣе кончить, теперь же атмосфера процесса рѣшительно обратилась противъ вашего подзащитнаго. Какое важное значеніе въ исходѣ всякаго процесса играетъ эта атмосфера! Иные присяжные теряютъ изъ виду тяжущихся, увлеченные борьбою остроумій ихъ адвокатовъ.

---

*) О дилеммѣ, какъ остроумной игрѣ съ незнаніемъ, мы говорили уже въ VI вып. „Даръ Слова“ („Искусство острить“). Мы тамъ говорили о непозволительныхъ дилеммахъ вродѣ знаменитаго вопроса, предлагавшагося евреямъ св. инквизиціей: „Признаете-ли вы христіанскую вѣру истинной или ложной?“ Если онъ скажетъ „ложной“, то явно подлежитъ костру, если скажетъ „истинной“, то послѣдуетъ вопросъ, почему же онъ не принимаетъ истинной вѣры

Въ дѣлахъ, гдѣ примѣшана политика, судъ присяжныхъ ненадеженъ. Обыкновенный присяжный такъ легко ослѣпляется политическими предразсудками, что когда виновность или невиновность подсудимаго зависитъ отъ вопроса, сдѣлалъ ли онъ извѣстный проступокъ на пользу партіи, присяжные способны раздѣлиться по партіямъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Америкѣ было сразу арестовано около 50 партійныхъ дѣятелей за нарушеніе избирательныхъ законовъ. Всѣ они судились въ высшемъ уголовномъ судѣ. Защитниками выступили знаменитѣйшіе адвокаты, и все зависило отъ результатовъ первыхъ процессовъ. Если они кончатся оправданіемъ,—предполагалось, что будутъ оправданы всѣ остальные, въ противномъ случаѣ немногіе вывернутся. Первымъ былъ вызванъ къ суду инспекторъ одного избирательнаго раіона, обвинявшійся въ неправильномъ показаніи числа голосовъ, поданныхъ въ пользу республиканскаго кандидата. На судѣ выступили свидѣтелями одинъ за другимъ 12 почтенныхъ гражданъ и показали, что они живутъ въ раіонѣ обвиняемаго и вотировали въ этотъ день за республиканскаго кандидата. Офиціальный же подсчетъ, подписанный обвиняемымъ и прочтенный на судѣ, гласилъ: за демократическаго кандидата—167 голосовъ, за республиканскаго — 0 голосовъ. Нѣкоторые свидѣтели, вызванные защитой, показывали что они демократы, что обвиняемый пользуется прекрасной репутаціей и никогда до этого не подозрѣвался ни въ чемъ предосудительномъ. Самъ обвиняемый подъ присягой утверждалъ, что подсчетъ былъ имъ произведенъ правильно. Присяжные раздѣлились по линіи политическихъ партій. Прокурору надо было поставить свидѣтеля въ такое положеніе передъ присяжными, чтобы они, каковы бы ни были ихъ политическія убѣжденія, получили увѣренность въ его виновности. Предложилъ онъ всего пять вопросовъ:

„Вы сказали намъ, что на вашихъ плечахъ жена и пятеро дѣтей. Я полагаю, что у васъ нѣтъ желанія быть вынужденнымъ оставить ихъ?“—„Понятно, нѣтъ.“—„Кромѣ того, я полагаю, у васъ нѣтъ особенной охоты провести нѣкоторое время въ тюрьмѣ?“—„Конечно, нѣтъ“.—„Но вотъ вы слышали 12 почтенныхъ гражданъ, которые тутъ, въ качествѣ свидѣтелей, присягнули, что они голосовали въ вашемъ раіонѣ за республиканскаго кандидата?“—„Да“.—(Прокуроръ указывая на присяжныхъ) „И вы видите этихъ 12 гражданъ, сидящихъ тутъ и готовыхъ рѣшить вопросъ о вашей свободѣ?“—„Да“.—„Теперь, г. такой-то, не будете ли вы любезны объяснить этимъ 12 гражданамъ (указывая на судей), какимъ образомъ бюллетени, поданные другими 12 гражданами, не попали въ вашъ подсчетъ, и тогда вы сможете взять свою шляпу и выйти изъ суда свободнымъ человѣкомъ“.

Вопрошаемый смутился, опустилъ глаза, ничего не отвѣчая, и прокуроръ сѣлъ. Конечно, послѣдовало обвиненіе, и всѣ даль-

нѣйшія дѣла того же рода были закончены въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, безъ единаго оправдательнаго приговора.

Когда имѣется достаточно свѣдѣній о самомъ свидѣтелѣ или объ источникахъ его показанія, можетъ быть разставлена хитрая ловушка, въ которую попадетъ даже умный свидѣтель.

Одна дама возбудила противъ городского управленія Нью-Іорка искъ объ увѣчьи: идя однимъ весеннимъ утромъ изъ церкви домой, она споткнулась на улицѣ о камни, слегла въ постель и болѣла три года до самаго дня процесса. Ее принесли въ судъ на креслѣ и помѣстили передъ присяжными, блѣдную, жалкую, окруженную сидѣлками, ухаживавшими за нею, какъ за ребенкомъ, безпрестанно смачивая ей руки и лицо пахучими веществами, что производило на судей замѣтное впечатлѣніе. Ея защитникъ утверждалъ, что у нея поврежденъ спинной мозгъ и искалъ 50.000 долларовъ убытку. Докторъ, пользовавшій больную съ самаго несчастнаго случая, показалъ, что онъ посѣтилъ ее около 300 разъ и изслѣдовалъ около 200 разъ, дабы совершено точно поставить діагнозъ, и теперь онъ вполнѣ убѣжденъ, что это—болѣзнь спинного мозга. Судья задалъ нѣсколько предварительныхъ вопросовъ и потомъ предложилъ ему сообщить присяжнымъ все, что онъ знаетъ о дѣлѣ. Докторъ говорилъ безъ перерыва около $^3/_4$ часа. Онъ подробно описалъ страданія больной все время, пока она находилась подъ его наблюденіемъ, описалъ свои усилія облегчить ей страданія и безнадежность ея болѣзни. Затѣмъ онъ приступилъ къ описанію постепеннаго прогресса болѣзни, медленнаго, но вѣрнаго приближенія паралича, разрушающаго одинъ органъ за другимъ, пока смерть не принесетъ больной облегченіе. По окончаніи разсказа судья, не предлагая никакихъ вопросовъ, обратился къ защитнику спокойнымъ тономъ: „Не имѣете ли вы какихъ-нибудь вопросовъ?“

Надо было точно опредѣлить характеръ болѣзни истицы, ибо никакихъ доводовъ защита привести не могла. Городскіе врачи были согласны въ томъ, что пораженіе спинного мозга не могло быть послѣдствіемъ того легкаго удара, который она получила. Они считали ея болѣзнь истеричной, существующей только въ ея воображеніи и не влекущей никакого паралича, но судьи повидимому вѣрили доктору истицы и хотѣли поставить приговоръ на основаніи его показанія.

Представитель интересовъ города раньше всего своими вопросами выяснилъ передъ присяжными, что свидѣтель десятки лѣтъ состоитъ медицинскимъ экспертомъ со стороны различныхъ желѣзно-дорожныхъ компаній, что онъ такъ часто выступаетъ на судѣ въ защиту всѣхъ этихъ желѣзныхъ дорогъ и такъ занятъ ихъ дѣлами, что у него остается сравнительно мало времени для чтенія и частной практики.

(Защитникъ совершенно спокойно): „Можете ли вы, докторъ, назвать намъ какой-нибудь медицинскій авторитетъ, который былъ бы съ вами согласенъ, что тѣ симптомы, которыя суще-

ствуютъ у истицы, указываютъ только на одну болѣзнь?"—„Да, докторъ Эриксонъ согласенъ со мною".—„А кто этотъ докторъ Эриксонъ?"—(Докторъ съ снисходительный улыбкой): „Докторъ Эриксонъ одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ хирурговъ, какихъ когда-либо имѣла Англiя" (въ залѣ смѣхъ по адресу защитника).—„А какую книгу написалъ онъ?" — (Докторъ, продолжая улыбаться): „Онъ написалъ книгу подъ заглавiемъ „Эриксонъ о спинномъ хребтѣ", которая является самой лучшей книгой по этому предмету". (Смѣхъ въ залѣ становится громче).—„И эта книга была напечатана?"—„Около 10 лѣтъ тому назадъ".—„Но какъ это вы, время котораго, по вашимъ же словамъ, столь занято, находите достаточно досуга, что-бы справляться съ медицинскими авторитетами, согласны ли они съ вами?"—(Докторъ, явно глумясь надъ защитникомъ): „Да, г-нъ защитникъ, по правдѣ сказать, я много слышалъ о васъ, и былъ почти увѣренъ, что вы предложите мнѣ какой-нибудь безсмысленный вопросъ, поэтому я сегодня утромъ послѣ завтрака, раньше чѣмъ уйти въ судъ, нарочно справился въ моей библiотекѣ у Эриксона и нашелъ, что онъ вполнѣ согласенъ съ моимъ дiагнозомъ болѣзни" (громкiй хохотъ по адресу защитника не только въ публикѣ, но и у присяжныхъ).

(Защитникъ, наклоняясь къ своему столу, вынимаетъ экземпляръ книги „Эриксонъ о спинномъ хребтѣ", и не спѣша подходитъ къ свидѣтельскому столу). „Не будете ли вы любезны указать мнѣ, гдѣ именно Эриксонъ раздѣляетъ вашъ взглядъ?"—(Докторъ, смѣшавшись) „О, теперь я не могу этого сдѣлать, книга очень толстая".—(Защитникъ, все еще протягивая книгу свидѣтелю): „Но вы забываете, докторъ, что въ ожиданiи безсмысленнаго вопроса съ моей стороны, вы пересмотрѣли книгу Эриксона сегодня утромъ передъ самымъ отправленiемъ въ судъ"—(Докторъ еще болѣе смѣшавшись и все еще отказываясь взять книгу): „Мнѣ теперь некогда искать". - „Некогда? но мы всѣ охотно подождемъ, пока вы будете справляться".—(Докторъ молчитъ. Защитникъ и свидѣтель выразительно смотрятъ другъ на друга. Защитникъ садясь, но все еще глядя на свидѣтеля): „Я убѣжденъ, что судъ позволитъ мнѣ прервать допросъ, пока вы найдете то мѣсто въ книгѣ, которое вы читали сегодня утромъ и прочтете его снова вслухъ". (Докторъ не отвѣчаетъ). Въ залѣ гробовое молчанiе, продолжающееся около трехъ минутъ. Свидѣтель не желаетъ ничего сказать, защитникъ со стороны истицы не осмѣливается сказать что нибудь, а защитнику со стороны города не требуется сказать что-нибудь. Онъ увидалъ, что поймалъ свидѣтеля на явной лжи, и что все показанiе доктора опорочено въ глазахъ присяжныхъ, развѣ что онъ откроетъ книгу и прочтетъ то мѣсто, котораго, какъ онъ зналъ, въ книгѣ не существуетъ). По истеченiи нѣсколькихъ минутъ предсѣдатель суда спокойно обращается къ свидѣтелю съ вопросомъ, желаетъ ли онъ отвѣчать? Тотъ замѣчаетъ, что ему нечего прибавлять къ тому, что онъ

уже сказалъ, и его отпускаютъ при всеобщемъ молчанiи. Присяжные не могли забыть этого паденiя главнаго свидѣтеля со стороны истицы, и она дѣло проиграла.

Глава IV. Допросъ экспертовъ.

Въ наше время спецiалистовъ услуги экспертовъ часто необходимы въ помощь присяжнымъ при установленiи фактовъ, съ которыми среднiй человѣкъ не всегда знакомъ. Правда, нѣкоторые авторитеты относятся къ показанiямъ экспертовъ весьма пренебрежительно, такъ какъ послѣднiе приходятъ въ судъ настолько увѣренными въ правдивости своихъ положенiй и такъ подвластны своему заключенiю, основанному на односторонней оцѣнкѣ предмета, что даже если они вполнѣ добросовѣстны, они не въ состоянiи выразить безпристрастнаго мнѣнiя. Но фактъ остается тотъ, что съ показанiями экспертовъ считаются, и единственный путь помочь присяжнымъ достигнуть вѣрной оцѣнки ихъ показанiй есть перекрестный допросъ всѣхъ этихъ медиковъ, каллиграфовъ, бухгалтеровъ и прочихъ спецiалистовъ. Ибо мнѣнiя могутъ быть не только честныя, но и нечестныя.

Надо помнить разницу между научнымъ фактомъ и личнымъ мнѣнiемъ. О научныхъ фактахъ эксперты не могутъ расходиться; въ области же личныхъ мнѣнiй эксперты могутъ сильно расходиться между собою, и ихъ мнѣнiямъ придается небольшое значенiе. Неумно спорить со спецiалистомъ въ его спецiальности. Иные адвокаты, напримѣръ, спорятъ съ докторомъ или калиграфомъ о хирургiи, о правильномъ дiагнозѣ или о свойствахъ линiй. Въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ, особенно съ не очень учеными спецiалистами, получаются нѣкоторые результаты, но обыкновенно этимъ дается спецiалисту только возможность распространять свое показанiе и объяснить то, что могло быть непонято или пропущено безъ вниманiя присяжными.

Наше искусство должно быть направлено на извлеченiе, главнымъ образомъ, такихъ научныхъ фактовъ изъ знанiй эксперта, которые идутъ въ нашу пользу и которые могутъ опорочить показанiя эксперта, говорящiя противъ насъ. Не надо предлагать слишкомъ широкихъ вопросовъ: они даютъ только возможность эксперту распространяться о собственномъ мнѣнiи и приводить свои доводы. Иногда одинъ необдуманный вопросъ можетъ испортить все дѣло.

Обвинялся одинъ господинъ въ отравленiи жены (она была значительно старше его и сдѣлала завѣщанiе въ его пользу) морфиномъ и атропиномъ, при чемъ каждое изъ этихъ веществъ было предложено въ такой пропорцiи, что уничтожались симптомы, которые получились бы отъ употребленiя одного изъ нихъ. Врачъ, который пользовалъ больную на смертномъ одрѣ, выдалъ свидѣтельство, въ которомъ приписываетъ ея смерть апоплексическому удару.

Прокуроръ разспрашивалъ доктора, вызваннаго въ качествѣ свидѣтеля, о симптомахъ, предшествовавшихъ смерти. Докторъ подтвердилъ свое мнѣніе, высказанное въ свидѣтельствѣ о смерти, а именно, что единственной причиной смерти является апоплексическій ударъ. Затѣмъ зашита, приступила къ перекрестному допросу. Защитникъ, который былъ больше знакомъ съ медициной, чѣмъ съ искусствомъ допрашивать, продержалъ доктора около часа на разныхъ техническихъ медицинскихъ вопросахъ, больше доказывавшихъ эрудицію адвоката, нежели освѣщавшихъ дѣло, въ заключеніе перечиталъ свидѣтельство о смерти и, обращая вниманіе доктора на удостовѣренный имъ фактъ, что смерть произошла отъ апоплексическаго удара, воскликнулъ, размахивая свидѣтельствомъ: „Теперь, докторъ, вы намъ разсказали, каковы были симптомы у этой женщины, вы намъ сказали, какого вы тогда были мнѣнія о причинѣ ея смерти; теперь я васъ спрашиваю: произошло ли что-нибудь со времени смерти ея, что бы заставило васъ перемѣнить ваше мнѣніе?“

Докторъ откинулся на спинку стула и тихо повторилъ вопросъ: „произошло ли—что-нибудь—со времени—ея смерти,—что-бы заставило—меня—перемѣнить—мнѣніе?“ Свидѣтель обратился къ судьѣ и спросилъ, будетъ ли ему дозволено говорить о такихъ предметахъ, которые дошли до его свѣдѣнія послѣ того, какъ онъ выдалъ это свидѣтельство? Судья отвѣтилъ: „Вопросъ широкъ, защитникъ спрашиваетъ васъ, знаете-ли вы о какомъ-нибудь фактѣ, который заставилъ бы васъ перемѣнить свое мнѣніе?“ Свидѣтель попросилъ снова перечитать вопросъ, и всѣ насторожились въ ожиданіи отвѣта. Докторъ молчалъ нѣсколько мгновеній, и затѣмъ спросилъ: былъ ли представленъ суду химическій анализъ, свидѣтельствующій о нахожденіи въ желудкѣ этой женщины атропина и морфина? Судья отвѣтилъ: нѣтъ. „Въ такомъ случаѣ, сказалъ докторъ, поднимаясь, я могу отвѣтить на предложенный мнѣ вопросъ вполнѣ точно, а именно, что нѣтъ никакого факта, который убѣдилъ бы меня перемѣнить мнѣніе, выраженное въ моемъ свидѣтельствѣ о смерти“. Вся выгода, которую обвиняемый могъ имѣть отъ свидѣтельства о смерти, пропала.

Показаніе эксперта можетъ быть опорочено нѣсколькими неожиданными вопросами относительно его опытности, его познаній, какъ эксперта, особенно если подвергнуть его испытанію на судѣ; не выдержавъ испытанія, онъ этимъ попадетъ въ смѣшное положеніе, а смѣхъ на его счетъ заставитъ присяжныхъ забыть все, что онъ сказалъ вѣскаго противъ васъ.

Одна Нью-Іоркская дама сломала себѣ ногу, упавъ въ непокрытую дыру на мостовой, и предъявила къ городу искъ въ 40000 долларовъ за увѣчье. Защита не могла ничего существеннаго возразить: дыра въ мостовой была и истица туда упала, но ея право требовать убытки въ такомъ размѣрѣ сильно оспаривалось. Докторъ, по совѣту котораго она и вчала этотъ искъ, показалъ на судѣ о ея страданіяхъ, описалъ поломъ ноги, объяснилъ, какъ онъ самъ наложилъ повязку и пользовалъ больную, но всѣ его усилія были напрасны, онъ смогъ только достигнуть весьма несовершеннаго сращенія костей, и пришелъ къ заключенію, что эта почтенная дама останется хромой на всю жизнь. Онъ себя держалъ съ большимъ достоинствомъ и, очевидно, произвелъ на судъ большое впечатлѣніе. 15000 долларовъ навѣрное было бы присуждено этой женщинѣ, если-бы его показаніе не было уничтожено на перекрестномъ допросѣ. Допросъ велся въ самомъ дружелюбномъ тонѣ, почти въ тонѣ апологіи.

„Мы всѣ знаемъ, докторъ, что у васъ большая и богатая практика по всѣмъ болѣзнямъ, но не обычно ли въ нашемъ большомъ городѣ, гдѣ подобныя происшествія случаются очень часто, что поломы доставляются въ госпитали, и тамъ больные пользуются опытными хирургами?“—„Да, это такъ“.—„Вѣдь вы не считаете себя опытнымъ хирургомъ?“— „О нѣтъ, я практикую въ качествѣ общаго врача“.—„Какъ бы было хирургическое названіе этой формы полома?“ —„Она извѣстна подъ именемъ „Поттовъ поломъ голени“.—„Неправда ли это очень сбыкновенная форма полома?“—О, да.—„Не будете ли вы любезны сказать присяжнымъ, когда имѣли вы въ вашей практикѣ подобный поломъ до настоящаго случая?“—„Я не чувствую себя вправѣ раскрывать имена моихъ паціентовъ“.—(Защитникъ смѣлѣе:) „Я не спрашиваю объ именахъ и профессіональныхъ тайнахъ и не имѣю этого въ виду, докторъ“.—„Я не могу вамъ указать точное время“.—„Но былъ ли у васъ такой случай въ этомъ году?“ (Докторъ медленно:) „Кажется, не былъ“.—(Защитникъ еще смѣлѣе) „Очень жалѣю, что мнѣ приходится васъ задерживать, но я обязанъ получить отъ васъ положительный отвѣтъ, имѣли ли вы случай „Поттова полома голени“ въ прошломъ году?“—„Нѣтъ, я не могу припомнить такого случая и въ прошломъ году“.—„Имѣли ли вы такой случай въ позапрошломъ году?“—„Не могу припомнить“.—„Но имѣли ли вы подобный случай въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ?“—„Я не могу этого сказать положительно“.—(Защитникъ, чувствуя опасность настаивать дальше, прибѣгаетъ къ послѣднему доводу:) „Можете ли вы присягнуть, что вы когда нибудь въ вашей практикѣ имѣли случай „Поттова полома“ до этого случая? Я долженъ добавить, что если вы скажете, „да“, я спрошу о времени, мѣстѣ и обстоятельствахъ“.—(Докторъ въ большомъ смущеніи.) „Вашъ вопросъ меня смущаетъ. Мнѣ потребуется нѣкоторое время, чтобы порыться въ моей памяти“.—„Я васъ спрашиваю только о томъ, что вы безъ труда можете припомнить“.—„Если такъ, то я скажу, что не могу припомнить случая, подобнаго настоящему, въ моей практикѣ, развѣ въ клиникѣ, когда я былъ студентомъ“.—„Но развѣ не требуется большой практики и большого опыта, чтобы съ успѣхомъ лѣчить подобный случай полома голени.“—„О, да!“—Въ такомъ случаѣ докторъ, говоря откровенно, не допускаете-ли вы, что „Поттовы поломы“

ежедневно лѣчатся въ нашихъ госпиталяхъ опытными людьми, и поврежденіе обыкновенно вполнѣ излѣчивается черезъ нѣсколько мѣсяцевъ"?—„Это можетъ быть, но многое зависитъ отъ возраста паціента".

При дальнѣйшихъ разспросахъ обнаружилось, что докторъ затрудняется опредѣлить, принадлежитъ-ли предъявленная ему ножная кость мужчинѣ или женщинѣ, правой или лѣвой ногѣ.

Присяжные оцѣнили познанія эксперта по достоинству и присудили истицѣ всего 240 долларовъ.

На одномъ процессѣ вопросъ коснулся подлинности нѣкоторыхъ писемъ, предполагаемый авторъ которыхъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицалъ подлинность. Экспертъ-каллиграфъ, приглашенный въ судъ, показалъ, что онъ тщательно изучилъ эти письма, сличилъ ихъ съ подлинными образцами рукописи и пришелъ къ заключенію, что они написаны одной и той же рукой. Адвокатъ предложилъ нѣсколько вопросовъ: „Если я васъ правильно понялъ, вамъ была предоставлена только одна подлинная рукопись, и на ней вы основываете свое мнѣніе?"—„Да, это было одно письмо, но довольно длинное и представлявшее большое удобство для сравненія".—„Но не было бы вамъ легче установить мнѣніе, если бы вамъ дали побольше писемъ для сравненія?"—„О да, чѣмъ больше образчиковъ я имѣю, тѣмъ цѣннѣе мои заключенія". (Адвокатъ, беря изъ лежащей передъ нимъ связки бумагъ одно письмо, загибаетъ подпись и передаетъ каллиграфу:) „Не будете ли вы любезны взять вотъ это письмо, сравнить съ другими и сказать намъ, не одна-ли и та же это рука?"—(Экспертъ, пристально изслѣдуя бумаги нѣсколько минутъ:) „Да, я бы сказалъ, что это одна и та-же рука".—„Не правда-ли, профессоръ, что одно и то же лицо можетъ обнаруживать различныя рукописи въ зависимости отъ различныхъ расположеній духа и различныхъ перьевъ?"—„О да, бываетъ нѣкоторая разница". (Адвокатъ, беря второе письмо со своего стола и также загибая подпись, передаетъ каллиграфу:) „Не будете ли вы также любезны взять и это письмо и сравнить съ тѣми, которыя у васъ?" (Экспертъ, изслѣдовавъ письмо:) „Да, это разновидность той же руки".—„Можете ли вы высказать въ качествѣ своего мнѣнія, что все это писало одно и то же лицо?"—„Да, могу". (Адвокатъ беретъ третье письмо со своего стола, также загибаетъ подпись и передаетъ каллиграфу:) „Будьте любезны просмотрѣть еще одинъ этотъ образчикъ и сказать, не написанъ ли онъ той же самой рукою?" (Экспертъ, пристально изслѣдуя письмо, оставляетъ свидѣтельское кресло и идетъ къ окну, чтобы дополнить наблюденія:) „Да, вы понимаете, я не клянусь, что это такъ, но высказываю, какъ свое мнѣніе". (Адвокатъ снисходительно:) „Конечно, я понимаю, но есть ли это ваше честное мнѣніе эксперта, что всѣ эти три письма написаны одной и той же рукой?"—„Я говорю: да, это мое честное мнѣніе".— „Теперь будьте любезны отогнуть уголки и прочитать вслухъ

передъ судьями подписи". Оказалось, что письма принадлежатъ тремъ разнымъ лицамъ.

„Увѣчные" процессы противъ желѣзныхъ дорогъ и фабрикъ стали одно время ремесломъ у нѣкоторыхъ адвокатовъ и врачей. Одна дама искала съ управленія желѣзной дороги за увѣчье, полученное ею въ качествѣ пассажирки при столкновеніи вагоновъ. Эксперты-врачи показали, что она повредила спинной хребетъ и что страдаетъ отъ паралича, какъ слѣдствія поврежденія. По ихъ словамъ выходило, что ея болѣзнь неизлѣчима и постоянна. Защитникъ со стороны желѣзной дороги заявилъ, что эти самые доктора уже не разъ выступали въ качествѣ экспертовъ противъ той-же желѣзной дороги и еще недавно показывали объ одномъ рабочемъ, нѣкоемъ Хайтѣ, пострадавшемъ при катастрофѣ, будто онъ страдаетъ отъ неизлѣчимаго пораженія спинного хребта, будетъ неминуемо разбитъ параличомъ и останется калѣкой на всю жизнь, а между тѣмъ этотъ Хайтъ быстро оправился отъ своей болѣзни, послѣ того какъ получилъ присужденную ему сумму (онъ въ то время служилъ на этой-же желѣзной дорогѣ, поднимая тяжелые ящики и бочки).

На допросѣ оба врача припомнили случай Хайта; ихъ вниманіе было при этомъ обращено на показаніе, данное ими подъ присягой въ томъ дѣлѣ. Ихъ спросили, живъ ли еще Хайтъ и гдѣ его можно было бы найти. Они отвѣтили, что онъ, вѣроятно, теперь померъ, что его случай былъ совершенно безнадеженъ, что онъ, вѣроятно, если не мертвъ, то находится въ какой нибудь богадѣльнѣ для безнадежныхъ больныхъ. Во время этихъ отвѣтовъ Хайтъ, приглашенный адвокатомъ, явился въ судъ. Его попросили выйти впередъ къ присяжнымъ. Доктора признали въ немъ Хайта. Затѣмъ онъ самъ выступилъ въ качествѣ свидѣтеля и показалъ, что, со дня приговора въ его пользу, онъ никогда не былъ боленъ, что онъ принялъ 35 фунт. вѣсу, что онъ теперь исполняетъ работу болѣе тяжелую, чѣмъ когда нибудь исполнялъ въ жизни, что онъ работаетъ съ ранняго утра допоздней ночи, никогда не былъ въ богадѣльнѣ и не лѣчился ни у какого доктора со дня суда, и закончилъ ошеломительнымъ утвержденіемъ, что изъ выданной ему желѣзной дорогой на основаніи судебнаго приговора суммы, онъ долженъ былъ выплатить болѣе 3000 рублей докторамъ, пользовавшимъ его и свидѣтельствовавшимъ въ его пользу.

Этого было больше чѣмъ достаточно для присяжныхъ, и они быстро рѣшили дѣло въ пользу желѣзной дороги.

Одинъ изъ величайшихъ недостатковъ, обезцѣнивающихъ показанія врачей-экспертовъ является „гипотетическій вопросъ", предполагающійся точнымъ изложеніемъ показанія, даннаго подъ присягой различными свидѣтелями до появленія эксперта. Доктору послѣ этого предлагаютъ оцѣнить значеніе каждаго факта, включаемаго защитникомъ въ вопросъ, и дать суду свое заключеніе о всей болѣзни, исходя изъ этихъ предполагаемыхъ фак-

товъ, устанавливаемыхъ людьми совершенно некомпетентными. Часто случается, что самъ врачъ никогда не видалъ и, понятно, не изслѣдовалъ пацiента, о состоянiи котораго онъ показываетъ подъ присягой. Въ 9 случаяхъ изъ 10, присяжные принимаютъ показанiе свидѣтеля, какъ прямое подтвержденiе существованiя самого факта. Обязанность ведущаго допросъ и состоитъ въ томъ, чтобы освѣтить передъ присяжными эту сторону вопроса и дать имъ понять, что ихъ вниманiе должно быть обращено не на истинность отвѣта, даваемаго экспертомъ, но на истинность и точность предлагаемаго ему вопроса. Самые гипотетическiе вопросы обыкновенно выражаются безсвязно и неточно и даютъ совершенно другой видъ дѣлу, чѣмъ тотъ, который оправдывается показанiемъ свидѣтелей.

Умный человѣкъ, ведя допросъ, всегда въ состоянiи обезвредить эффектъ подобныхъ гипотетическихъ вопросовъ. Одинъ полезный методъ состоитъ въ томъ, чтобы попросить врача повторить суть того вопроса, который ему былъ предложенъ и на которомъ онъ основываетъ свой отвѣтъ. Долгiя усилiя свидѣтеля припомнить различныя части вопроса (такiе вопросы обыкновенно очень длинны) сразу открываютъ судьямъ глаза на опасность этого показанiя. Однако не всегда безопасно предлагать такiе вопросы, все зависитъ отъ характера допрашиваемаго эксперта. Нѣкоторые врачи тщательно изучаютъ вопросы, на которые имъ придется отвѣчать. Если свидѣтель отвѣчаетъ, что онъ раньше читалъ вопросъ, то полезно его спросить: какую часть вопроса онъ считаетъ наиболѣе важной и какiя части можно-бы совсѣмъ отбросить. Такимъ образомъ, его можно постепенно ограничить одной частью гипотетическаго вопроса, истинность которой можетъ быть подведена подъ сомнѣнiе предыдущими показанiями въ дѣлѣ.

Часто оказывается, что одно предложенiе (клаузула) вопроса служитъ основанiемъ для всего отвѣта эксперта. Это особенно случается съ совѣстливыми врачами, которые часто предлагаютъ защитнику прибавить то или другое слово, дабы имѣть возможность отвѣтить на весь вопросъ въ желательномъ смыслѣ.

Развитiе одного этого факта сдѣлаетъ многое, чтобы опорочить его показанiе въ глазахъ присяжныхъ. Однажды на допросѣ одинъ выдающiйся врачъ прибавилъ къ словамъ „можете ли вы сказать“ слово „положительно“, и затѣмъ отвѣтилъ въ отрицательномъ смыслѣ, хотя, если бы его спросили о его личномъ мнѣнiи, онъ долженъ былъ бы дать другой отвѣтъ.

Гипотетическiе вопросы, предлагаемые защитникомъ, конечно, не включаютъ фактовъ, которые потомъ могутъ быть развиты въ пользу защиты. Поэтому, ведя допросъ въ этомъ смыслѣ, часто полезно спросить, какъ бы экспертъ измѣнилъ свой отвѣтъ, если бы онъ принялъ истинность такихъ-то новыхъ обстоятельствъ въ дѣлѣ. „Предположимъ, что кромѣ обстоятельствъ,

вами уже разсмотрѣнныхъ, вамъ дали бы еще слѣдующiе факты: каково было бы тогда ваше мнѣнiе?“.

Часто гипотетическiе вопросы выражаются въ такой формѣ, что отвѣтъ заключается уже въ нихъ самихъ. Въ одномъ случаѣ врачей-экспертовъ просили высказаться по такому вопросу:

„Если человѣкъ, имѣющiй наслѣдственное предрасположенiе къ безумiю, обнаруживаетъ безумiе въ дѣтствѣ, обнаруживаетъ его въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, считаетъ себя посланнымъ отъ Бога для совершенiя извѣстнаго террористическаго акта, и дѣйствительно безъ всякой видимой причины совершаетъ его, могутъ ли они сказать: здоровый это человѣкъ, или безумный?“ Обнаружить заковыку въ гипотетическомъ вопросѣ, выдѣлить то предложенiе, прилагательное или нарѣчiе, на которыхъ экспертъ сосредоточиваетъ свою мысль,—это требуетъ не малаго опыта и вниманiя.

Экспертъ часто заинтересованъ и готовъ служить той сторонѣ, которая вызвала его. Съ этимъ фактомъ должно постоянно считаться. Поощряйте обнаружить свою заинтересованность, поощряйте его на добровольныя утвержденiя и мнѣнiя и на безотвѣтственныя показанiя. Присяжные смотрятъ всегда подозрительно на подобныхъ экспертовъ. Помните, что экспертъ, вызванный противъ васъ, готовъ принести вамъ всякiй вредъ, какой только онъ можетъ, и будетъ пользоваться всякимъ случаемъ сдѣлать это, какой только вы по невнимательности дадите ему. Такiе люди, обыкновенно, очень хитры и пришли въ судъ подготовленными къ тому дѣлу, о которомъ они показываютъ.

Однако среди экспертовъ встрѣчаются неучи и хвастуны, и ваша обязанность на перекрестномъ допросѣ вывести ихъ на свѣтъ Божiй.

Въ одномъ увѣчномъ процессѣ противъ города былъ вызванъ экспертомъ врачъ, очень разговорчивый господинъ съ большимъ присутствiемъ духа. Онъ показывалъ о серьезномъ головномъ увѣчьи истца и прочиталъ присяжнымъ цѣлую лекцiю, которая видимо произвела большое впечатлѣнiе. Даже судья обнаружилъ необыкновенное вниманiе. Докторъ говорилъ развязно о сосудодвигательныхъ нервахъ и рефлексахъ и высказывался въ медицинскихъ терминахъ, непонятныхъ присяжнымъ. Свое показанiе онъ закончилъ предсказанiемъ, что истецъ не можетъ оправиться и, если онъ вообще выживетъ, то будетъ въ больницѣ для неизлѣчимыхъ больныхъ. Защитникъ со стороны города сразу сообразилъ, что это не обыкновенный типъ эксперта. Допросъ о медицинской сторонѣ дѣла, очевидно, не удастся, потому что свидѣтель, хотя явно плутуетъ, однако достаточно хитеръ, чтобы напускать на свои отвѣты туманъ медицинскихъ терминовъ. По совѣту врача, состоявшаго на службѣ города, онъ принялъ слѣдующiй методъ:

Защитникъ: „Изъ большого количества книгъ, которыя вами принесены сюда для поддержанiя вашего тезиса, и изъ формы

вашего показанія я заключаю, докторъ, что вы прекрасно знакомы съ профессіональной литературой и особенно съ тою частью ея, которая относится къ увѣчьямъ головы".

—„Я могу похвастать, что я... что у меня не только собственная обширная библіотека, но что я провелъ много мѣсяцевъ въ библіотекахъ Вѣны, Берлина, Парижа и Лондона".— „Въ такомъ случаѣ, можетъ быть, вы знакомы съ знаменитымъ трудомъ Эндрю „О близкихъ и отдаленныхъ послѣдствіяхъ головныхъ увѣчій?"—(Докторъ снисходительно улыбаясь): „Да, я могу сказать, что знакомъ. Въ этой книгѣ я справлялся не далѣе, какъ на прошлой недѣлѣ".—„Читали вы и книгу Шарье „О мозговыхъ поврежденіяхъ?"—„Да, я читалъ книгу Шарье отъ доски до доски и не одинъ разъ". Защитникъ продолжаетъ въ томъ же духѣ, предлагая свидѣтелю вопросы о другихъ вымышленныхъ медицинскихъ книгахъ, изъ которыхъ всѣ, оказывается, либо „тщательно имъ проштудированы", либо „находятся въ его библіотекѣ"; наконецъ, подозрѣвая, что докторъ замѣтилъ разставленную ему ловушку, онъ вдругъ перемѣнилъ свою тактику и спросилъ громкимъ голосомъ, читалъ ли онъ когда нибудь книгу д-ра Пажа „О поврежденіяхъ спинного мозга" (это наиболѣе ученый трудъ въ этой области)? На этотъ вопросъ докторъ смѣясь отвѣтилъ, что онъ никогда не слыхалъ о подобной книгѣ и, „я думаю, вы также". Высшая точка достигнута. Тотчасъ же былъ приведенъ къ присягѣ упомянутый городской врачъ, который объяснилъ присяжнымъ, что списокъ выдуманныхъ медицинскихъ книгъ, съ которыми экспертъ обнаружилъ столь близкое знакомство, составленъ имъ. Экспертъ оказался уничтоженнымъ.

Кромѣ уже сдѣланныхъ указаній относительно лучшихъ методовъ перекрестнаго допроса экспертовъ, не можетъ быть указано никакихъ надежныхъ правилъ успѣшнаго допроса. Вотъ методъ, который съ успѣхомъ былъ примѣненъ противъ эксперта-психіатра. Онъ нарочно присутствовалъ на судѣ во время процесса съ тѣмъ, чтобы наблюдать поведеніе одного господина. Оспаривался выданный послѣднимъ документъ, какъ выданный лицомъ невмѣняемымъ.

„Были вы на судѣ вчера, когда г. N допрашивался въ качествѣ свидѣтеля?" — „Былъ". — „Видѣли-ли вы его въ залѣ суда до этого показанія?"—„Я наблюдалъ его въ залѣ суда и на свидѣтельскомъ мѣстѣ въ понедѣльникъ".—„Вы сидѣли за этимъ столомъ во время всего процесса?" — „Я сидѣлъ за этимъ столомъ во время его допроса".—„Вы слышали все его показаніе?" —„Да".—„Замѣтили вы, какъ онъ держалъ себя во время показанія?"—„Да". Затѣмъ ему показали нѣсколько образчиковъ рукописи г. N., и допросъ продолжался:

„Теперь, докторъ, принимая во вниманіе, эти письма, писанныя рукою господина N, и поведеніе его на свидѣтельскомъ мѣстѣ, и его способъ показанія, составили-ли вы себѣ мнѣніе относительно его умственнаго состоянія?"—„Я оцѣнилъ его умственное состояніе на основаніи наблюденій, сдѣланныхъ мною на судѣ и пока онъ давалъ показанія и изъ этихъ образчиковъ рукописи его". — „Каково же ваше мнѣніе относительно его умственнаго состоянія?"

Судья: „Я думаю, докторъ, что раньше чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, было бы хорошо, если бы вы намъ сказали, каковы собственно ваши наблюденія, на которыхъ вы основываете свое мнѣніе?"

Докторъ: „Мнѣ показалось, что на свидѣтельскомъ мѣстѣ онъ обнаружилъ медленность и нерѣшительность, давая отвѣты на совершенно ясные и легко понятные вопросы, что не соотвѣтствуетъ здоровому умственному состоянію человѣка его образованія и положенія въ жизни. Я замѣтилъ, далѣе, забывчивость, особенно недавнихъ фактовъ. Я также замѣтилъ выраженіе лица, особенно характерное для извѣстной формы умственнаго разстройства; выраженіе, не столько веселости, сколько фатовской улыбки въ такихъ случаяхъ, которые, по моему, не вызываютъ подобнаго выраженія лица; улыбка эта для психіатра имѣетъ особенно важное значеніе. Что касается этихъ образчиковъ письма, которые мнѣ показаны, особенно подписи, то она мнѣ кажется дрожащей и обнаруживающей недостатокъ координирующей силы надъ мускулами, употребляемыми для такой подписи". Въ отвѣтъ на гипотетическій вопросъ, описывающій исторію жизни господина N, свидѣтель отвѣчалъ: „По моему мнѣнію, лицо, описанное въ этомъ гипотетическомъ вопросѣ, страдаетъ формой безумія, извѣстной подъ именемъ „парезисъ" въ стадіи dementia". Все это заставляетъ его высказаться въ томъ смыслѣ, что г. N. не могъ понять цѣли и значенія выданной имъ бумаги.

Затѣмъ приступилъ къ перекрестному допросу защитникъ господина N. Онъ вскочилъ на ноги и съ мѣста въ карьеръ воскликнулъ: „Какъ вы думаете, зачѣмъ васъ пригласили сюда?"—(Свидѣтель, медля нѣкоторое время:) „Я приглашенъ сюда высказаться относительно господина N, право котораго опекать свою дочь находится подъ сомнѣніемъ".—„Что этотъ вопросъ, который мною вамъ предложенъ, простъ? Считаете ли вы его простымъ?"—„Совершенно простой вопросъ". (Защитникъ улыбаясь) „Зачѣмъ же вы такъ медленно на него отвѣчали?"—„Я всегда отвѣчаю, напередъ обдумавъ; это мое обыкновеніе".—„Что же, докторъ, это доказываетъ разстройство вашихъ умственныхъ способностей, — медлительность, съ которою вы отвѣчаете?" — „Я старался отвѣчать на вашъ вопросъ какъ можно точнѣе".—„Но можетъ быть и г. N давеча старался отвѣчать на вопросы какъ можно точнѣе".—„Онъ несомнѣнно старался это дѣлать".—„Вы пришли сюда затѣмъ, чтобы наблюдать за г. N, неправда-ли?"— „Я пришелъ сюда, чтобы высказать свое мнѣніе о его умственномъ состояніи".—„И однимъ изъ симптомовъ, приведшихъ васъ къ мысли, что онъ страдаетъ „парезисомъ", была медлительность, съ

которой онъ отвѣчалъ на простые вопросы?"—„Да".—„Затѣмъ, составляя свое мнѣніе, вы основывали его отчасти на рукописи, неправда ли?"—„Да, какъ я уже показывалъ".—„И для этого вы выбрали одну подпись и отстранили другія письма, вамъ переданныя; хорошо-ли это?"—„Я разсмотрѣлъ цѣлый рядъ подписей, но тамъ была только одна, характерная для дрожанія „парезиса".—„Вотъ, докторъ, письма и рукописи г. N; что вы можете сказать объ этихъ, болѣе позднихъ образчикахъ?"—„Это—образцы хорошаго письма; если угодно, они не указываютъ ни на какую болѣзнь, ни на парезисъ, ни на другую какую".—„Думаете ли вы, что послѣдовало улучшеніе въ состояніи г. N?"—„Я не знаю; конечно, замѣчается улучшеніе въ рукописи".—„Но вы выбрали изъ большой массы писемъ только одно, обнаруживающее нервное разстройство. Сколько образчиковъ письма вамъ дали, чтобы сдѣлать изъ нихъ выборъ?"—„15 или 20".—„Докторъ, вы опять становитесь весьма нерѣшительны въ своихъ отвѣтахъ".—„Я имѣю право быть осторожнымъ: мои отвѣты заносятся въ протоколъ; я имѣю право дѣлать ихъ настолько точными, какъ я это нахожу нужнымъ". (Защитникъ сурово): „Г-нъ N давалъ показаніе, отъ котораго зависѣла его свобода и опека надъ его ребенкомъ; имѣлъ онъ право быть осторожнымъ, какъ вы думаете?"—„Безъ сомнѣнія".—„Вы также высказались, что обвиняемый не могъ понять значенія бумаги, которая была вамъ передана для анализа".—„Это мое мнѣніе".—„Каково, по вашему, значеніе этой бумаги?"—„Значеніе этой бумаги формально назначить г-жу Бланкъ опекуншей надъ дочерью господина N и дать ей всѣ права и привиллегіи, связанныя съ этимъ опекунствомъ, и г-жа Бланкъ имѣетъ вести всѣ процессы, какъ онъ самъ, и она уполномочивается имъ дѣйствовать вмѣсто него. Таково мое пониманіе". — „Я долженъ воздать честь уму г-на N, сопоставивъ его съ вашимъ".—„Я буду очень радъ, если вы найдете меня ниже его; я бы желалъ, чтобы онъ оказался другимъ".—„Когда онъ давалъ показаніе объ этой бумагѣ, ему былъ предложенъ тотъ-же вопросъ, и онъ сказалъ: я знаю, что это просто бумага, передающая г-жѣ Бланкъ воспитаніе и заботу о моемъ ребенкѣ. Не думаете ли вы, что это очень хорошее изложеніе содержанія бумаги со стороны человѣка, находящагося въ состояніи описаннаго вами безумія?"—„Очень хорошее".—„Скорѣе замѣчательное, не правда ли?".—„Это—правильное изложеніе бумаги".—„Если онъ могъ дать такое изложеніе въ качествѣ свидѣтеля на вопросъ враждебнаго ему адвоката, можете ли вы сказать, что онъ не могъ понять значеніе бумаги?"—„Онъ былъ очень неувѣренъ, нерѣшителенъ, когда давалъ это объясненіе, но сдѣлалъ его правильно. Онъ говорилъ, что неясно припоминаетъ содержаніе этой бумаги, и только потомъ сдѣлалъ это указаніе". —Не считаете ли вы замѣчательнымъ съ его стороны, что онъ былъ въ состояніи припомнить, черезъ семь мѣсяцевъ послѣ происшествія, тотъ фактъ, что онъ этой бумагой

передалъ воспитаніе своей дочери г-жѣ Бланкъ?"—„Онъ это вспомнилъ".—„Не правда ли, это довольно хорошая память для безумнаго?"—„Онъ припомнилъ".—„Хорошая ли это память для безумнаго?"—„Да".—„Хорошая ли это память для человѣка не безумнаго?"—„Онъ припомнилъ вѣрно".—„Не думаете ли вы, докторъ, что человѣкъ, который въ состояніи описать бумагу однимъ предложеніемъ, имѣетъ лучшій умъ, нежели тотъ, который беретъ для описанія полдюжины предложеній?"—„Значительно лучшій умъ".—„Значитъ, это говоритъ въ пользу его ума и во вредъ вашему?"—„Да, что касается этого".—„Теперь мы возьмемъ ваше слѣдующее предложеніе и посмотримъ, нельзя ли привести его умъ къ вашему уровню и въ этой части. Слѣдующее, что вы замѣтили, это—медленность и нерѣшительность, съ какою онъ давалъ свои отвѣты на совершенно ясные и легко понятные вопросы?"—„Правда".—„Но вы сегодня обнаружили ту же медленность и ту же нерѣшительность?"—„Я не обнаруживалъ нерѣшительности, я былъ вдумчивъ".—„Какая, по вашему, разница, докторъ, между нерѣшительностью и вдумчивостью?"—„Нерѣшительность это то, что я начинаю испытывать теперь; я не рѣшаюсь высказаться за тотъ или другой изъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ, мелькающихъ у меня въ головѣ. Это—нерѣшительность, а медлительность есть медлительность".—„Въ такомъ случаѣ вы обнаружили и то и другое; вы были и медленны и нерѣшительны, по вашимъ собственнымъ словамъ, не правда ли, докторъ?"—„Да".—„Такъ что г. N и вы опять квиты и по этому вопросу?"—„Я не допускалъ ни медлительности, ни нерѣшительности; я отвѣчаю на ваши вопросы такъ осторожно, точно, откровенно и быстро, какъ я могу".—„Но развѣ г. N не дѣлалъ то-же самое?"—„Можетъ быть".—„Что дальше вы замѣтили, кромѣ медленности и нерѣшительности, можете вы припомнить?"—„Вамъ придется освѣжить мою память". (Защитникъ читая): „Я замѣтилъ забывчивость, особенно недавнихъ фактовъ". Не думаете ли вы, что г. N сравнился съ вами и въ отношеніи забывчивости?.. (Защитникъ снисходительно): Вѣдь вы не думаете сказать, что онъ дѣйствительно лишенъ ума?"—„Нѣтъ, онъ не лишенъ ума, и я никогда этого не говорилъ".—„Въ такомъ случаѣ ваши отвѣты сводятся къ тому, что у него не столько ума, сколько у другихъ".—„Если хотите, мои отвѣты сводятся къ тому, что у него „парезисъ" съ пониженіемъ умственныхъ способностей, и, если угодно, не столько ума, сколько у другихъ людей; есть люди съ большимъ умомъ и съ меньшимъ".—„Имѣетъ ли онъ достаточно ума, чтобы писать письма, которымъ вы дали такую высокую оцѣнку?"—„Я сказалъ, это—хорошія письма".—„Имѣетъ ли онъ достаточно ума, чтобы точно и логично описать актъ?"—„Я уже сказалъ".—„Онъ, вѣроятно, знаетъ больше о своихъ домашнихъ дѣлахъ и интересахъ, чѣмъ вы?"—„Я ничего объ нихъ не знаю".—„Но то, что вы знаете не даетъ ли права думать, что онъ имѣлъ хорошія основанія поступать именно такъ, какъ онъ поступилъ?"—„Возможно. Это не мое дѣло".

Глава V. Порядокъ вопросовъ.

Много зависитъ отъ послѣдовательности вопросовъ, задаваемыхъ нечестному свидѣтелю. Никогда не слѣдуетъ задавать важный вопросъ, не положивъ подъ него основанія такимъ образомъ, чтобы при сопоставленіи съ фактомъ свидѣтель не могъ уже отступить назадъ. Часто наиболѣе цѣнныя документальныя доказательства совершенно не достигаютъ своей цѣли только вслѣдствіе неловкаго использованія ихъ. Если въ вашемъ распоряженіи находится написанный свидѣтелемъ письменный документъ, въ которомъ онъ противорѣчитъ тому, о чемъ онъ только что сказалъ, то нельзя сначала показать его свидѣтелю для признанія, затѣмъ прочитать его и спросить: что вы можете сказать на это? Во время чтенія свидѣтель соберется съ мыслями и приготовитъ объясненіе, которое совершенно разрушитъ эффектъ компрометирующаго документа. Правильное использованіе его состоитъ въ томъ, чтобы спокойно заставить свидѣтеля повторить утвержденіе, данное въ показаніи и противорѣчащее документу. „Мнѣ послышалось, что вы сказали такъ и такъ, не будете ли любезны повторить это? Мнѣ необходимо быть точнымъ“. Свидѣтель повторяетъ свое утвержденіе, вы записываете и прочитываете ему, правильно ли это, нѣтъ-ли тутъ какой ошибки; свидѣтель никакой ошибки не находитъ, онъ утверждаетъ фактъ, тутъ никакихъ условій нѣтъ. Затѣмъ вы быстро мѣняете свое обращеніе съ нимъ и неожиданно для него показываете ему письмо: признаете ли вы свою руку? вотъ я прочту, что вы сами сказали въ вашемъ письмѣ, и потомъ: теперь, что можете вы сказать на это? Вы достигли того, что присяжные этого никакъ не забудутъ. Обыкновенно удобно, произведши эффектъ, тотчасъ же оставить вопросъ и перейти къ другому пункту, иначе свидѣтель постарается вывернуться. Но когда вы имѣете присягнувшаго свидѣтеля, который устно противорѣчитъ утвержденію, сдѣланому раньше письменно своей собственной рукой, вы имѣете его на своемъ крючкѣ, и нѣтъ опасности, что онъ уйдетъ, остается только использовать благопріятное положеніе; подчеркните ему его собственныя противорѣчія въ столькихъ формахъ, сколько вы въ состояніи изобрѣсти: „Какое изъ вашихъ утвержденій правдиво? Развѣ вы забыли о письмѣ, когда давали свое показаніе сегодня? Сообщили ли вы объ немъ своему защитнику? хотѣли ли вы его обмануть? какая у васъ была цѣль, вводя въ заблужденіе присяжныхъ?“

Иногда хорошо дать свидѣтелю ошеломляющій ударъ уже въ первыхъ немногихъ вопросахъ,—понятно, если вы имѣете матеріалъ для удара. Преимущество выставленія впередъ своихъ лучшихъ доводовъ въ самомъ началѣ двояко: во первыхъ, присяжные слышали его показаніе и создали себѣ собственное представленіе о немъ, и когда вы приступаете къ допросу, они чрезвычайно интересуются узнать ваши первые вопросы, и если вы поймали его въ первомъ же вопросѣ, то это производитъ

на нихъ гораздо большее впечатлѣніе, нежели когда сдѣлаете это послѣ, когда ихъ вниманіе ослабнетъ; во-вторыхъ, когда вы сразу ошеломляете свидѣтеля, онъ начинаетъ васъ бояться и становится менѣе враждебенъ въ своихъ слѣдующихъ отвѣтахъ, не зная, когда вы поймаете его вторично. Это дастъ вамъ возможность получить отъ него правдивые отвѣты на вопросы, относительно которыхъ вы не можете ему противорѣчить. Самые отчаянные свидѣтели совершенно теряютъ присутствіе духа послѣ двухъ или трехъ мѣткихъ ударовъ въ началѣ допроса и становятся столь послушными въ рукахъ допрашивателя, какъ если бы они были его собственные свидѣтели. Тогда наступаетъ время повести свидѣтеля назадъ къ его первоначальному разсказу и дать ему возможность смягчить прежнія утвержденія, можетъ быть, даже отказаться отъ нихъ, такъ что онъ станетъ поддерживать вашу сторону въ спорѣ. Это укрощеніе враждебнаго свидѣтеля и принужденіе его сказать правду противъ воли составляетъ одну изъ великихъ побѣдъ искусства допрашивать.

Нѣкоторые свидѣтели при такомъ оборотѣ дѣла совершенно теряютъ самообладаніе и, если допрашивающій сохраняетъ свое и предлагаетъ вопросъ за вопросомъ съ достаточной быстротой, онъ приведетъ свидѣтеля въ такую сѣть противорѣчій, что совершенно опорочитъ его въ глазахъ всякаго здравомыслящаго присяжнаго. Свидѣтель въ раздраженіи часто забывается и говоритъ правду. Страсть отнимаетъ у него силу обманывать. Другой родъ свидѣтелей выражаетъ въ такихъ случаяхъ свой темпераментъ, становясь угрюмымъ: онъ начинаетъ давать уклончивые отвѣты и наконецъ совсѣмъ отказывается отвѣчать. Онъ съ одинаковымъ успѣхомъ могъ бы пойти немножко дальше и признать свое лжесвидѣтельство. Эффектъ на присяжныхъ одинъ и тотъ же.

Однако если у васъ нѣтъ матеріала, чтобы ошеломить свидѣтеля, исправляя его ложное показаніе, и все таки вы признаете нужнымъ подвергнуть его перекрестному допросу, никогда не теряйте времени на такіе вопросы, которые дадутъ ему возможность повторить первоначальное показаніе въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ его сдѣлалъ. Вы ничего съ нимъ не сдѣлаете, пока не оставите ту линію идей, которой онъ придерживался въ своемъ показаніи. Выбирайте слабѣйшіе пункты изъ его показанія и соприкасающіяся обстоятельства, къ которымъ онъ, вѣроятнѣе всего, не подготовлялся. Не предлагайте вопросовъ въ логическомъ порядкѣ, иначе онъ будетъ легко изобрѣтать послѣдовательные отвѣты, тормошите его въ разныя стороны и вынуждайте давать точные отвѣты о всѣхъ случайныхъ обстоятельствахъ, косвенно соприкасающихся съ его главнымъ показаніемъ. Когда онъ начинаетъ изобрѣтать свои отвѣты, предлагайте свои вопросы быстрѣй, на нѣсколько неважныхъ вопросовъ одинъ важный, и всѣ однимъ голосомъ. Если онъ говоритъ неправду и черпаетъ свои отвѣты изъ памяти и асссо-

ціаціи идей, а не изъ воображенія, онъ никогда не будетъ въ состояніи такъ быстро находить свои отвѣты, какъ вы формулировать свои вопросы, и въ то же время правильно оцѣнивать значеніе настоящаго отвѣта для предыдущаго. Если вы обладаете необходимою ловкостью слѣдовать этому методу допроса, вы его навѣрное введете въ такую чащу противорѣчій, что ему никогда изъ нея не выбраться.

Нѣкоторые свидѣтели не говорятъ всей правды, если этимъ они могутъ повредить своимъ роднымъ или той сторонѣ, въ защиту которой они вызваны. Если вы знаете, что такой свидѣтель (обыкновенно это – женщина) знаетъ фактъ, который вамъ нуженъ и можетъ вамъ помочь, то ваша обязанность вынудить его у свидѣтеля. Это требуетъ большой выдержки и находчивости. Если вы ей предложите сразу прямой вопросъ, вы, вѣроятнѣе всего, получите въ отвѣтъ: „не помню“ или она даже рискнетъ сказать, что при всемъ своемъ желаніи она на этотъ вопросъ отвѣчать не въ состояніи. Вы должны подойти къ вопросу медленными шагами. Начинайте съ вещей, имѣюшихъ лишь отдаленную связь съ тѣмъ важнымъ фактомъ, котораго вы добиваетесь: она ихъ разскажетъ, можетъ быть, не догадываясь, куда это ведетъ. Когда она допустила это, вы ведете ее все ближе къ самой сути дѣла, пока не привели ее къ такой дилеммѣ, что она или должна сказать то, что хотѣла скрыть, или открыто лжесвидѣтельствовать. „Я никогда не думала сказать этого,—обыкновенно оправдывается она впослѣдствіи передъ друзьями,—но онъ поставилъ меня въ такое положеніе, что я должна была сказать или солгать“.

Во всякомъ перекрестномъ допросѣ никогда не выпускайте контроля надъ свидѣтелемъ, ограничивайте его отвѣты точными предѣлами вашихъ вопросовъ. Онъ будетъ стараться избѣгать прямыхъ отвѣтовъ или, будучи вынужденъ отвѣчать прямо, попытается прибавить условіе или объясненіе, которое лишитъ васъ той пользы, которую вы иначе могли бы имѣть отъ него. И въ заключеніе, – что важнѣе всего—всегда останавливайтесь во время. Самое важное—закончить допросъ тріумфомъ. Многимъ адвокатамъ удается поймать свидѣтеля на серьезномъ противорѣчіи, но, не довольствуясь этимъ, они продолжаютъ предлагать вопросы, пока эффектъ побѣды совершенно исчезаетъ. „Останавливайся на побѣдѣ“ — таково правило перекрестнаго допроса. Если вы ничего другого не сдѣлали, какъ только раскрыли попытку свидѣтеля обмануть, вы уже многое сдѣлали, чтобы опорочить его въ глазахъ судей. Присяжные обыкновенно разсматриваютъ свидѣтеля цѣликомъ: или они вѣрятъ ему, или не вѣрятъ. Если они ему не вѣрятъ, они совсѣмъ не будутъ считаться съ его показаніемъ, хотя бы многое изъ него было правда. Что особенно засѣло въ ихъ головахъ,—это то, что свидѣтель сдѣлалъ попытку ихъ обмануть, или что онъ оставилъ свидѣтельское мѣсто съ ложью на устахъ, или обнаруживъ такое не-

знаніе, что вся зала надъ нимъ смѣялась. Послѣ этого его показаніе не имѣетъ ужъ у нихъ никакого значенія для дѣла. Одинъ знаменитый адвокатъ потратилъ цѣлый день, стараясь обнаружить передъ присяжными разстройство умственныхъ способностей у свидѣтеля, наконецъ, по совѣту врача, онъ спросилъ его, не есть ли онъ Іисусъ Христосъ. Этотъ вопросъ былъ предложенъ очень осторожно и съ должнымъ смиреніемъ въ голосѣ, сопровождаемый извиненіемъ за неприличіе его. Свидѣтель, захваченный врасплохъ, посреди гробового молчанія зала, весьма торжественно объявилъ: „я — Христосъ“, — и процесъ быстро закончился.

Глава VI. Допросъ молчаливый.

Нѣтъ ничего нелѣпѣе, какъ подвергать допросу свидѣтеля, который не показалъ никакихъ фактовъ противъ васъ.

Нерѣдко случается, что такіе излишніе допросы приводятъ къ развитію новыхъ теорій въ пользу другой стороны, и свидѣтель, который при молчаніи былъ совершенно безвреденъ, становится страшно опаснымъ для нашего дѣла.

Безконечное разнообразіе типовъ свидѣтелей дѣлаетъ невозможнымъ установленіе какихъ нибудь твердыхъ правилъ допроса. Все зависитъ отъ степени важности показанія, даже ложнаго. Если вы имѣете на своей сторонѣ свидѣтелей, которые уничтожаютъ показаніе, то не стоитъ рисковать понапрасну новымъ допросомъ. Многое зависитъ также отъ возраста и пола свидѣтеля. Великій адвокатъ тотъ, кто съ прекраснымъ знаніемъ правилъ своего искусства соединяетъ и чувство мѣры, т. е. знаетъ, когда правила подлежатъ нарушенію. Если свидѣтелемъ является женщина и подъ конецъ ея показанія видно, что она будетъ послушнымъ мячикомъ въ рукахъ допрашивателя, часто на присяжныхъ производитъ большее очарованіе допросъ молчаливый. Вставайте быстро, какъ если бы вы намѣревались подвергнуть ея допросу. Свидѣтельница обратитъ къ вамъ рѣшительное лицо, готовая уничтожить васъ первымъ же отвѣтомъ, это для васъ знакъ медлить, нѣкоторое время смотрите на нее снисходительно, какъ если бы вы сомнѣвались, стоитъ ли ее передопрашивать и садитесь. Хорошій актеръ сдѣлаетъ это такъ, что присяжные прочтутъ въ его поведеніи: „стоитъ ли? она вѣдь слабая женщина“. Одинъ адвокатъ, примѣнивъ однажды эту молчаливую форму допроса, сдѣлалъ ту ошибку, что громко высказалъ свою мысль: „Не стоитъ предлагать вамъ вопросовъ, потому что я вижу на вашемъ лицѣ обманщика“.—„Вотъ новость“,—возразилъ свидѣтель улыбаясь,—„а я и не зналъ, что мое лицо отражаетъ какъ зеркало“.

Единственная цѣль перекрестнаго допроса—уничтожить силу неблагопріятнаго показанія, но неуспѣшный допросъ только укрѣпляетъ свидѣтеля въ глазахъ присяжныхъ; поэтому молчаніе часто лучшій допросъ.

Въ одномъ процессѣ выступалъ экспертомъ знаменитый психіатръ д-ръ Гамильтонъ, по просьбѣ защиты спеціально изучавшій дѣло, посѣтившій больного нѣсколько разъ въ тюрьмѣ и приготовившійся къ всестороннему изложенію его умственнаго состоянія. Защитникъ, нарочно не разспрашивалъ свидѣтеля о его ученыхъ заслугахъ, о степени опытности его въ душевныхъ болѣзняхъ, о его знакомствѣ со всѣми формами безумія, а также не указалъ имъ, что экспертъ, благодаря долговременному наблюденію больного, можетъ особенно правильно судить о настоящемъ состояніи обвиняемаго. Онъ, повидимому, считалъ прокурора, выступавшаго противъ обвиняемаго, неопытнымъ новичкомъ, который подвергнетъ эксперта всестороннему перекрестному допросу, и тогда все это обнаружится къ вящшему эффекту на присяжныхъ.

Адвокатъ удовольствовался слѣдующими вопросами: „Д-ръ Гамильтонъ, изслѣдовали ли вы подсудимаго на судѣ?“—„Да“, отвѣчалъ Гамильтонъ.—„Что онъ, по вашему мнѣнію, здоровъ или безуменъ?“—„Безуменъ“, сказалъ Гамильтонъ.—„Можете его передопрашивать“, прогремѣлъ адвокатъ съ выразительнымъ жестомъ по направленію къ прокурору. Прокуроръ къ ужасу адвоката спокойно замѣтилъ: „у меня нѣтъ вопросовъ“.—„Какъ, воскликнулъ адвокатъ, у васъ нѣтъ вопросовъ для знаменитаго д-ра Гамильтона? въ такомъ случаѣ, у меня есть“, и, обратившись къ свидѣтелю, началъ было его разспрашивать, основательно ли онъ изучилъ симптомы подсудимаго и т. д. Но судья, по протесту прокурора, предложилъ свидѣтелю оставить мѣсто, такъ какъ его показаніе кончено, и перекрестнаго допроса нѣтъ.

Глава VII. Источники ошибочныхъ показаній.

Всякому, кто часто бывалъ на судебныхъ разбирательствахъ, навѣрное бросалось въ глаза удивительное зрѣлище вполнѣ честныхъ и интеллигентныхъ мужчинъ и женщинъ, которые дѣлаютъ подъ присягой совершенно несовмѣстимыя другъ съ другомъ утвержденія о фактахъ. Постараемся намѣтить, какъ можно популярнѣе, нѣкоторыя изъ причинъ подобныхъ, часто безсознательныхъ ошибокъ со стороны свидѣтелей. Если адвокатъ не знаетъ ничего о причинахъ ложныхъ показаній, то онъ не въ состояніи будетъ и освѣтить показаніе свидѣтеля посредствомъ перекрестнаго допроса.

Факты представляются различнымъ умамъ подъ различными углами зрѣнія. Безсознательныя впечатлѣнія чувствъ (зрѣнія, слуха или осязанія) принимаютъ подъ вліяніемъ ума всѣ цвѣта и мотивы нашего прошедшаго опыта и характера, *толкуются* нами. Когда мы въ знойный день смотримъ на ручей и *видимъ* прохладу, то мы къ впечатлѣнію глаза придаетъ нѣчто, полученное отъ прежняго опыта. Другой человѣкъ можетъ получить впечатлѣніе теплой жижицы вмѣсто пріятной прохлады, соотвѣтственно его собственному опыту.

Гельмгольцъ, ясно называетъ воспріятіе разстоянія безсознательнымъ умозаключеніемъ, механически создающимся въ умѣ. Такимъ образомъ, различные индивиды будутъ, понятно, разно истолковывать одно и то-же явленіе, согласно ихъ предыдущему опыту и различнымъ умственнымъ особенностямъ. Процессъ истолкованія моменталенъ, автоматиченъ и безсознателенъ. Артистъ сразу видитъ извѣстныя подробности тамъ, гдѣ для неопытнаго глаза только одна смѣшанная масса; натуралистъ видитъ животное тамъ, гдѣ обыкновенный глазъ видитъ только форму. Взрослый видитъ безконечное разнообразіе вещей, которые лишены смысла для ребенка. Больше того, одно и то же впечатлѣніе можетъ разно истолковываться однимъ и тѣмъ же лицомъ въ различное время въ зависимости отъ различной внимательности и различнаго настроенія. Боязливый скорѣе увидитъ привидѣніе, нежели хладнокровный, потому что его умъ построенъ иначе.

Въ области мимолетныхъ впечатлѣній воображеніе играетъ очень опасную роль. Кромѣ того, когда умъ либо бездѣятеленъ, либо занятъ другой какой мыслью, ощущеніе совершенно не воспринимается, не истолковывается, не припоминается, хотя бы соотвѣтствующія движенія тѣла ясно доказывали что оно ощущалось. Человѣкъ дремлющій можетъ, напр. встать отъ громкаго звука или отвернуться отъ яркаго свѣта, но у него не образуется никакого воспоминанія о томъ, что было.

Различной степени внимательности должно приписать то, что различные люди получаютъ противорѣчивыя представленія объ одномъ и томъ же событіи или разговорѣ. Эта разница въ степени вниманія вмѣстѣ съ вышеобъясненной разницей индивидуальнаго истолкованія ощущенія, объясняетъ, почему люди такъ часто противорѣчатъ относительно того, что они считаютъ видѣннымъ или слышаннымъ.

Желаніе является часто причиной къ дальнѣйшему обману. Желаніе побуждаетъ волю сосредоточить вниманіи на извѣстномъ пунктѣ, увеличивая его значеніе, и смотрѣть сквозь пальцы на другіе, уменьшая ихъ значеніе.

Люди готовы быстро увѣровать въ то, что имъ желательно. Если они долго мечтали о какихъ нибудь фактахъ, то въ концѣ концовъ доходятъ до того, что начинаютъ дѣйствительно припоминать, что эти желательные имъ факты случились. То, что сначала было результатомъ воображенія, то, со временемъ, становится результатомъ воспоминанія. Такіе свидѣтели часто вспоминаютъ разговоры и наблюденія, которыя на самомъ дѣлѣ являются только плодомъ ихъ воображенія.

Другой, еще болѣе важный источникъ громаднаго количества неправильныхъ показаній, представляетъ память, когда слѣдъ того или другого событія частью изгладился, а то, что остается служить для образованія весьма ошибочнаго, потому что несовершеннаго, взгляда на событіе. Если оно изъ такихъ, въ которыхъ наши

чувства заинтересованы, то мы весьма склонны терять изъ виду то, что идетъ противъ нихъ, такъ что изображеніе, даваемое по памяти, весьма одностороннe. Это постоянно доказывается совершеннымъ несходствомъ разсказовъ объ одномъ и томъ же событіи или разговорѣ, даваемыхъ двумя или болѣе сторонами, хотя бы предметъ былъ свѣжъ въ ихъ головахъ и они искренно готовы были сказать истину. Разница становится, обыкновенно, болѣе рѣзкой, по мѣрѣ удлиненія промежутка времени, такъ какъ слѣдъ постепенно видоизмѣняется обычнымъ ходомъ мысли и чувствъ.

Подобно тому какъ, когда отдаленные предметы являются намъ въ неясныхъ очертаніяхъ, на сцену выступаетъ наше воображеніе, заставляющее насъ думать, что мы видимъ что-нибудь полностью и ясно, такъ, когда образы памяти покрываются дымкой дали, наше воображеніе восполняетъ ихъ, влагая новое содержаніе въ старыя формы. Если сохранилось что нибудь отъ прошлаго, то одного внушенія о томъ, какъ это могло случиться, часто достаточно, чтобы вызвать убѣжденіе, что это дѣйствительно такъ и случилось. Внушенія, естественно возникающія въ нашемъ умѣ въ это время, носятъ печать нашего опыта и мышленія. Отсюда, стараясь возстановить отдаленное прошлое, мы постоянно находимся въ опасности внесенія нашего настоящаго *я* въ наше прошлое *я*.

Ясно, что задача перекрестнаго допроса раскрыть всякій посторонній элементъ, который могъ быть внесенъ въ память свидѣтеля относительно показываемаго имъ и, если возможно, раскрыть источникъ ошибки: была ли память введена въ заблужденіе желаніемъ, или воображеніемъ, или была ошибка въ первоначальномъ воспріятіи, а въ такомъ случаѣ, происходила ли она отъ недостаточной внимательности, или отъ неправильнаго присоединенія предыдущаго личнаго опыта.

Наше представленіе о прошломъ становится неточнымъ не только вслѣдствіе сглаживанія и исчезнованія существенныхъ явленій, оно становится положительно неправильнымъ, вслѣдствіе постепеннаго включенія элементовъ, къ нему не принадлежащихъ. Иногда легко видѣть, какъ эти чужеродные элементы внесены въ наше представленіе о прошломъ событіи. Предположимъ, кто нибудь потерялъ дорогую булавку. Его жена подозрѣваетъ, что булавка украдена прислугой, репутація которой стоитъ не очень высоко. Когда онъ потомъ будетъ припоминать объ этой потерѣ, онъ смѣшаетъ фактъ съ предположеніемъ, которое съ нимъ связано, и скажетъ, что прислуга украла булавку.

Весьма яркій примѣръ дѣйствія привычки на память, особенно относительно событій, случившихся въ моменты большого возбужденія, имѣемъ въ дѣлѣ одного господина, кототый былъ присужденъ къ смерти на основаніи неправильнаго показанія. Чтобы завладѣть имуществомъ жены, этотъ господинъ, нуждаясь въ деньгахъ убилъ ее, вынесъ трупъ вмѣстѣ съ орудіемъ убійства

на дворъ и, отодвинувъ задвижку воротъ, ведущихъ на улицу, оставилъ калитку настежь и пошелъ спать. На утро, дворникъ, наткнулся на мертвый трупъ хозяйки, въ великомъ ужасѣ выбѣжалъ на улицу и позвалъ полицію. Дворникъ имѣлъ обыкновеніе каждое утро первымъ долгомъ отодвигать задвижку, и на слѣдствіи показалъ, что и въ это утро онъ сдѣлалъ то-же самое. Другого хода въ домъ не было, показаніе прислуги убѣдило, что убійство совершено кѣмъ либо внутри дома, и мужъ былъ тутъ единственнымъ лицомъ, которому смерть жены была выгодна. Послѣ осужденія онъ признался своему адвокату въ убійствѣ и объяснилъ ему, съ какой предусмотрительностью онъ отодвинулъ задвижку и оставилъ калитку открытой именно съ тою цѣлью, чтобы отвлечь отъ себя подозрѣніе. Дворникъ, будучи въ крайнемъ возбужденіи, не замѣтилъ, что калитка была открыта и, припоминая объ этомъ обстоятельствѣ позднѣе, внесъ свой ежедневный опытъ и привычку—отпирать задвижку—въ воспоминаніе объ этомъ утрѣ. Это неправильное показаніе въ дѣйствительности осудило виновника.

Можетъ быть, самой неуловимой, но и самой обыкновенной изъ всѣхъ причинъ ложныхъ показаній является безсознательная заинтересованность. Рѣдко встрѣчается свидѣтель, столь безпартійный и честный, что показываетъ съ одинаковой благосклонностью къ обѣимъ сторонамъ. Любопытно отмѣтить это стремленіе человѣка, лишь только онъ отождествилъ себя съ одной стороною, принять всѣ ея взгляды и требованія. Свидѣтели на судѣ почти всегда благосклонны къ той сторонѣ, которая ихъ вызвала, и это заставляетъ ихъ скрывать нѣкоторые факты или придавать извѣстную окраску другимъ, по ихъ мнѣнію, неблагопріятнымъ для той стороны, въ пользу которой они даютъ показаніе. И если прибавить къ партійности свидѣтеля подобную же наклонность защитника, ведущаго допросъ, то легко создаются доказательства, которыя очень далеки отъ истины. Что собственно заставляетъ человѣка стать на ту или другую сторону, лишь только онъ приходитъ въ судъ? Прежде всего свидѣтель чувствуетъ себя, болѣе или менѣе, польщеннымъ тою стороною, которая довѣрчиво вызвала его для дачи показанія. Это чувство обыкновенно не столь сильно, чтобы повести его къ настоящему лжесвидѣтельству, но оно достаточно, чтобы свидѣтель почти безсознательно окрасилъ свое показаніе извѣстнымъ образомъ, сюда кое-что прибавилъ, а тамъ кое-что отнялъ, а это „кое-что" придаетъ показанію совершенно другое значеніе. Лишь только онъ сталъ свидѣтелемъ, онъ инстинктивно желаетъ, чтобы сторона которая его вызвала, выиграла, хотя бы у него не было никакого другого интереса въ дѣлѣ.

Многіе свидѣтели, открывая на допросѣ, что они принуждены давать показанія, неблагопріятныя той сторонѣ, которая ихъ вызвала, испытываютъ внезапный страхъ обмануть довѣріе, подвести, и это чувство окрашиваетъ ихъ показаніе. Есть и другой

родъ людей, которые не выступятъ свидѣтелями, если они не чувствуютъ, что какой нибудь сторонѣ сдѣлана несправедливость; выступать свидѣтелемъ въ пользу обиженныхъ кажется имъ возстановленіемъ права. Такіе позволяютъ своимъ чувствамъ вмѣшаться въ то, что они считаютъ дѣломъ справедливости, и это, въ свою очередь, побуждаетъ ихъ окрашивать показаніе. Можетъ быть, наиболѣе замѣчательные примѣры партійности можно видѣть въ дѣлахъ, возникающихъ изъ столкновенія морскихъ судовъ. Почти неизмѣнно весь персоналъ одного судна будутъ показывать противъ другого персонала и, что замѣчательнѣе, пассажиры, случайно оказавшіеся на каждомъ суднѣ, будутъ неизмѣнно подтверждать показанія ихъ персонала. Въ меньшемъ масштабѣ то-же самое мы замѣчаемъ въ увѣчныхъ дѣлахъ противъ желѣзныхъ дорогъ. Случайные пассажиры трамвая, въ случаѣ катастрофы, всегда склонны стать на сторону служащихъ вагона, тогда какъ истецъ и его друзья или родственники, случайно бывшіе вмѣстѣ съ нимъ въ это время, неизмѣнно будутъ показывать противъ вагоновожатыхъ.

Трудно разобрать способы, какъ путемъ перекрестнаго допроса обнаружить передъ присяжными источникъ обмана, помутившаго сужденіе, совѣсть или разумъ того или другого свидѣтеля; все зависитъ отъ обстоятельствъ каждаго дѣла и находчивости допрашивающаго.

Глава VIII. Установленіе вѣроятности.

Громадное большинство судебныхъ дѣлъ слагается изъ немногихъ главныхъ фактовъ, окруженныхъ цѣлымъ роемъ мелкихъ. Сила каждой тяжущейся стороны зависитъ нестолько отъ показаній, относящихся къ этимъ главнымъ фактамъ, сколько отъ поддержки со стороны мелкихъ фактовъ, которые, будучи тщательно собраны и надлежаще сгруппированы, создаютъ вѣроятность въ дѣлѣ.

Почти въ каждомъ процессѣ имѣются обстоятельства, которыя съ перваго взгляда кажутся незначительными, даже не стоящими ни въ какой связи, съ главнымъ вопросомъ, но которыя, будучи ловко соединенны и использованы, вносятъ извѣстныя убѣжденія въ голову судей.

Въ процессѣ о поддѣлкѣ завѣщанія, допрашивался человѣкъ весьма почтенный, хорошаго общественнаго положенія, имѣвшій косвенный интересъ въ утвержденіи оспариваемаго завѣщанія. Адвокатъ, закрывъ завѣщаніе листомъ бумаги, началъ допросъ такъ: „Если я правильно понялъ, вы утверждаете, что видѣли, какъ завѣщатель подписывалъ этотъ актъ?“—„Да, я видѣлъ“.—„И вы подписали его въ качествѣ свидѣтеля по его просьбѣ“.—„Да, подписалъ“.—„Было-ли оно запечатано краснымъ или бѣлымъ сургучомъ?“—„Краснымъ“.-„Вы сами видѣли, какъ онъ запечатывалъ сургучомъ?“—„Видѣлъ“.—„Гдѣ находился завѣщатель, когда онъ подписывалъ и запечатывалъ свое завѣщаніе?“—„Въ кровати“.—„Не можете ли вы сказать, какой длины былъ тотъ красный сургучъ, которымъ онъ печаталъ?“—„Около 3 дюймовъ“.—„И кто подалъ завѣщателю этотъ сургучъ?“--„Я самъ“.—„Гдѣ вы его взяли?“—„Въ ящикѣ письменнаго стола“. „Какъ онъ расплавилъ этотъ сургучъ?“—„На свѣчкѣ“.—„Откуда взялась свѣчка?“—„Я вынулъ ее изъ буфета въ комнатѣ“.—„Какой длины, по вашему, была свѣчка?“—„Можетъ быть, 4 или 5 дюймовъ“.—„Не можете ли вы припомнить, кто зажегъ свѣчку?“—„Я самъ“.—„Чѣмъ вы зажгли ее?“—„Какъ чѣмъ? Спичкой“.—„А гдѣ вы взяли спичку?“—„Вынулъ изъ своего кармана“.—Здѣсь адвокатъ остановился и, пристально глядя въ глаза допрашиваемому, сказалъ торжественнымъ голосомъ: „Теперь вы подъ присягой показали, что видѣли завѣщателя подписывающимъ свое завѣщаніе, что онъ подписывалъ его въ кровати, что, по его просьбѣ, вы подписали его въ качествѣ свидѣтеля, вы видѣли, какъ онъ запечатывалъ его, и запечатывалъ онъ его краснымъ сургучомъ, кускомъ длиною около трехъ дюймовъ, онъ расплавилъ сургучъ на свѣчкѣ, которую вы достали изъ буфета и зажгли спичкой, вынутой вами изъ своего кармана“?.—„Да“.—„Еще разъ, вы это утверждаете подъ присягой?“—„Да, утверждаю подъ присягой“.—„Смотрите же; вотъ завѣщаніе, оно запечатано облаткой!“

Однажды адвокатъ достигъ оправданія своего кліента посредствомъ очень простой хитрости на перекрестномъ допросѣ. Онъ защищалъ человѣка, обвинявшагося въ убійствѣ. Важнѣйшей уликой противъ обвиняемаго было то, что его шапка найдена недалеко отъ мѣста убійства. Свидѣтель показывалъ положительно, что шапка, ему предъявленная, есть та самая, которая найдена, и что она принадлежала подсудимому, имя котораго было Джемсъ. „Увѣрены ли вы въ томъ, что это та самая шапка?“—„Да, увѣренъ“.—„Тщательно ли вы осмотрѣли ее раньше, чѣмъ показали подъ присягой, что она принадлежитъ подсудимому?“—„Да“.—(Адвокатъ беретъ шапку и, разсматривая тщательно подкладку, читаетъ громко имя: „Джемсъ“). „Помните ли вы, что эти буквы были въ шапкѣ, когда вы нашли ее“.—„Да“.—„Вы сами видѣли ихъ тамъ?“—„Да, самъ видѣлъ надпись Джемсъ“.—„И вы утверждаете, что это та самая шапка?“—„Да, я утверждаю, что это та самая шапка“. Адвокатъ, передавая шапку присяжнымъ, замѣчаетъ: „Я думаю, господа, что нашъ процессъ конченъ. Тутъ нѣтъ никакой надписи въ шапкѣ“.

Сродни эффекту, производимому на присяжныхъ сгрупиированіемъ вѣроятностей въ дѣлѣ, является личная убѣжденность защитника. Человѣкъ, который искренно вѣритъ въ свое дѣло, заставитъ другихъ согласиться съ нимъ, хотя бы онъ былъ неправъ. Адвокатъ долженъ вѣрить въ правоту защищаемаго имъ дѣла, но убѣжденіе свое можетъ обнаруживать только путемъ допроса свидѣтелей и личнымъ поведеніемъ на процессѣ; выражать же свое убѣжденіе словами онъ не долженъ, такъ какъ это не только противорѣчитъ профессіональнымъ обычаямъ, но произ-

водитъ на присяжныхъ совершенно противоположное впечатлѣніе.

Если онъ чувствуетъ, что онъ правъ, онъ можетъ показать это сотнями различныхъ путей, и это окажетъ свое вліяніе на слушателей.

Глава IX. Установленіе недостовѣрности.

Вопросы, не бросающіе свѣта на дѣйствительныя событія процесса или на степень правдивости свидѣтеля, подвергаемаго допросу, а только обнаруживающіе его проступки, въ которыхъ онъ, быть можетъ, давно уже раскаялся, ставятся съ одной цѣлью: принизить и опорочить свидѣтеля. Вторженіе въ частную жизнь и частныя дѣла свидѣтеля, не имѣющія никакого отношенія къ самой тяжбѣ, причиняетъ послѣднему несказанныя страданія и образуетъ незаконную часть перекрестнаго допроса. Чаще всего это дѣлается адвокатомъ подъ вліяніемъ ненависти или мести со стороны кліента, но онъ этимъ унижаетъ свою профессію и уменьшаетъ уваженіе къ себѣ, чему слабымъ возмѣщеніемъ является даже благопріятный приговоръ, исторгнутый такимъ путемъ у впечатлительнаго судьи. Обстоятельства, не имѣющія прямого отношенія къ главному предмету спора и разсчитанныя только на опороченіе свидѣтеля, должны быть, по крайней мѣрѣ, таковы, чтобы сдѣлать спорнымъ его общій нравственный уровень и его свидѣтельскую имовѣрность. Ибо перекрестный допросъ можетъ быть употребленъ только для защиты кліента честными и законными способами, а не неправильнымъ толкованіемъ, инсинуаціями или завѣдомо ложнымъ изображеніемъ свидѣтеля передъ присяжными. Эти способы иногда имѣютъ успѣхъ, но тотъ, кто къ нимъ прибѣгаетъ, дискредитируется не только у суда, но и у присяжныхъ, передъ которыми выступаетъ, и его полезность для кліентовъ потеряна навсегда.

Честность—лучшая политика въ адвокатской, какъ и во всякой другой профессіи. Защитникъ можетъ имѣть въ своихъ рукахъ матеріалъ, дающій возможность повредить свидѣтелю, но насколько удобно имъ пользоваться, есть серьезный вопросъ даже въ случаяхъ, гдѣ ихъ оглашеніе, вообще, совершенно законно. Оскорбленіе, нанесенное свидѣтелю, быстро чувствуется присяжными и вызываетъ у нихъ сочувствіе—къ пострадавшему. Еще хуже предлагать вопросы, которые унижаютъ не только свидѣтеля, но и множество невинныхъ лицъ, только потому, что кліентъ проситъ о постановкѣ этихъ вопросовъ.

Грубое обращеніе со свидѣтелемъ не только не помогаетъ цѣлямъ правосудія, но являются серьезнымъ препятствіемъ, такъ какъ люди, даже вполнѣ почтенные, часто избѣгаютъ выступать въ качествѣ свидѣтелей. А между тѣмъ свидѣтели такъ же необходимы для отправленія правосудія, какъ судьи или присяжные, и имѣютъ право на такое же уваженіе: ихъ дѣла и частная жизнь должны быть такъ же ограждены отъ чужихъ взоровъ, какъ дѣла и частная жизнь судей и присяжныхъ. Обязанность

судьи не позволять предлагать свидѣтелю вопросовъ, развѣ что они ясно относятся къ разбираемому дѣлу; исключеніе представляютъ такіе случаи, когда достовѣрность свидѣтеля прямо оспаривается защитникомъ по весьма важнымъ причинамъ.

Допустимы или недопустимы вопросы касательно имовѣрности, конечно, предоставлено рѣшить суду. Обыкновенно считаютъ допустимыми такіе вопросы, которые могутъ серьезно опорочить достовѣрность даннаго свидѣтелемъ показанія; они не допустимы, когда ими обнаруживаются событія, столь отдаленныя во времени, или столь не важныя, или такого характера, что это не можетъ повліять на мнѣніе суда. Однако судья, отъ усмотрѣнія котораго зависитъ постановка такихъ вопросовъ, можетъ не знать всѣхъ сторонъ дѣла и не можетъ, не выслушавъ всѣхъ фактовъ, опредѣлить, имѣютъ-ли предлагаемые вопросы цѣлью развить истину или только унизить свидѣтеля. Затѣмъ часто вредъ уже нанесенъ тѣмъ, что вопросъ предложенъ, хотя бы судья потомъ запретилъ свидѣтелю отвѣчать. Инсинуація сдѣлана публично, грязь брошена. Поэтому честность самого адвоката и соблюденіе профессіональной этики должны ему подсказать, можетъ ли данный вопросъ быть предложенъ. Напр. отношенія половыя обыкновенно не имѣютъ никакого значенія для вопроса о способности свидѣтеля сказать правду.

Предполагая, что матеріалъ, которымъ вы думаете опорочить имовѣрность свидѣтеля, вполнѣ оправдываетъ ваше поведеніе, возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ лучше всего использовать этотъ матеріалъ. Одни и тѣ же факты могутъ быть использованы къ выгодѣ или къ положительной невыгодѣ ведущаго допросъ. Въ вашемъ распоряженіи находятся, напримѣръ, доказательства, что свидѣтель былъ осужденъ по извѣстному дѣлу: если вы ему дадите понять, что знаете его исторію, онъ, несомнѣнно, объяснитъ ее выгоднымъ для себя образомъ; если же вы скроете это отъ него, то онъ, вѣроятно, постарается скрыть это отъ васъ и, если надо, солжетъ. „Я не думаю, чтобы вы когда нибудь имѣли непріятности“?—такого рода вопросъ вызоветъ отвѣтъ: „Какія такія непріятности?“—„О, я не могу указать на какія нибудь спеціальныя непріятности, я думаю вообще, сидѣли ли вы когда нибудь въ тюрьмѣ?“ Свидѣтель подумаетъ, что вы ничего о немъ не знаете и будетъ отрицать свои столкновенія съ правосудіемъ, или, если онъ много разъ бывалъ подъ судомъ, допуститъ какое-нибудь незначительное дѣло и скроетъ все, о чемъ онъ подозрѣваетъ, что вы этого не знаете. Попытка обмануть судъ, если она будетъ обнаружена, повредитъ ему въ глазахъ присяжныхъ гораздо больше, нежели самое преступленіе, которое онъ совершилъ. Если же вы сразу бросите въ лицо его преступленіе, то онъ объяснитъ это такимъ способомъ, что не только возбудитъ къ себѣ симпатіи присяжныхъ, но еще вызоветъ негодованіе противъ адвоката, который имѣлъ жестокость раскрыть чужимъ глазамъ такое дѣло, которое давно уже забы-

то. Въ одномъ дѣлѣ адвокатъ на перекрестномъ допросѣ имѣлъ глупость предложить свидѣтелю объяснить присяжнымъ, какимъ образомъ онъ попалъ въ домъ умалишенныхъ, и получилъ такой патетическій отвѣтъ: „Меня послали туда, такъ какъ я былъ боленъ; случилось несчастіе, жена была разбита параличомъ; она проболѣла свыше года; я былъ единственный человѣкъ, который ухаживалъ за ней; я не спалъ дней и ночей; мы очень любили другъ друга; я былъ очень удрученъ ея долгой болѣзнью и страшно страдалъ, и въ результатѣ очень переутомился и лишился разума; теперь, слава Богу, какъ вы видите, мнѣ лучше". Конечно, эффектъ былъ для адвоката нежелательный. Другое дѣло, если свидѣтеля исподволь ведутъ къ невыгодному для него утвержденію.

Обвинялся нѣкій Матковскій въ покушеніи на убійство Заикина, подрядчика и профессіональнаго игрока. Заикинъ говорилъ, что тотъ зазвалъ его въ пустую квартиру своего брата и тамъ, желая ограбить, пытался убить, Матковскій же утверждалъ, что Заикинъ, зайдя къ нему предложилъ играть въ карты, и проигравши, отказался платить. Слово за слово, Заикинъ, мужчина солидной комплекціи, толкнулъ щупленькаго Матковскаго такъ, что тотъ вылетѣлъ въ сосѣднюю комнату. Тамъ онъ схватилъ висѣвшій на стѣнѣ револьверъ брата-офицера и не помня себя, выстрѣлилъ въ Заикина. Свидѣтелей не было. Судья глядитъ на огромнаго Заикина мягко, любовно, довѣрчиво. „Скажите, г. Заикинъ, вы вообще играете въ карты?"—„Иногда развѣ. Дома-съ. По случаю праздника. Съ домашними. Для баловства. Въ семейныя игры".—„Въ короли?" (Заикинъ оживаетъ: вотъ, молъ на какого глупенькаго судью попалъ. Свидѣтельской осторожности больше нѣтъ. Онъ довѣрчиво идетъ за судьей).—„Вотъ именно. Въ короли".—„Въ дурачки?"—„Въ дурачки".—„Въ свои козыри?" —„Въ свои козыри".—„Въ штоссъ?"—„Въ штоссъ. (И вдругъ, увидѣвши, что попалъ въ западню): Нѣтъ, нѣтъ! Въ штоссъ мы не играемъ". Но въ голосѣ судьи уже сталь: „Свидѣтель, можете сѣсть". Съ этой минуты оправданіе Матковскаго несомнѣнно.

КОНЕЦЪ.
